

С-28

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 3.

3-й год издания
М А Р Т 1925 Г.
ВОЛОГДА.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Февраль— <i>Михаил Николин</i>	1
1871— <i>Михаил Николин</i>	2
Общие собрания— <i>И. З.</i>	3
О новых путях обслуживания телеграфа— <i>Редакция</i>	6
О нашей малограмотности— <i>К. К-н.</i>	8
Обывательщина— <i>Михаил Николин.</i>	12
Работа передвижных почт по Уржумскому уезду— <i>К. н.</i>	13
Союзная работа на местах: О работе Малмыжского Райрабочкома— <i>Ворообьев.</i> О работе Уржумского Райрабочкома— <i>А. Бельтюкова.</i> О-во радиолюбителей— <i>Радиолюбитель.</i> „К сведению“— <i>Н. Михеев.</i> „Культурные деятели“— <i>Ою.</i> Ну, и помощники!— <i>Ою.</i> Общество „Друзей Радио“— <i>Заврадио Коллов.</i>	14—16
Страницка работницы Связи: Она идет. Набросок— <i>Е. К.</i> Международный женский день у связистов: В Вологде. — <i>К. В.</i> Вятке. — <i>Ходыреви.</i> В Архангельске. — <i>С.</i> Начинают просыпаться. — <i>Из.</i> К лешему!— <i>Работница.</i> Работница Связи в прошлом. — <i>С. Ш.</i>	17—21
Отклики с мест: „Антирелигиозное выступление“— <i>М.</i> „Барышня“— <i>А. Плотно- ников.</i> „Агитатор“— <i>Разведчик.</i> Не разговаривать!— <i>П. Печинкин.</i> „Чернокнижник“— <i>Из телеграфный.</i> Задал жару— <i>Свидетель.</i> Премудрость Соломонова.— <i>Н.</i> Ни отдыха, ни срока. — <i>Н. Михеев.</i> Не почтовая кляча.— <i>К.</i> Начальство больше знает.— <i>М.</i> В Крас- ном Уголке (с натуры)— <i>Ою.</i> „Землячество“— <i>Мальцев.</i>	22—28
Из писем корреспондентов	29
Литературный уголок: Маленький эпизод. (Из дней минувших).— <i>К. Кашин.</i> Мировая Весна, стихотворение— <i>Александра Мушеникова.</i> Комсо- мольское—стихотворение.— <i>Н. Г. Фельетон:</i> Головокружительные цифры— <i>К. К-н.</i>	32—38
Курьезы из жизни и быта: Православный. Карьерист.— <i>Сатири.</i>	39
Знакомый тип. Сатирич. стих.— <i>Ромашов</i>	40
Отзывы о стенных газетах.— <i>К.</i>	41
Хроника	45
Почтовый ящик	48

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Вологда. **Проспект Ленина**, Дом Союзов, 4-й этаж, комн. № 68.

СЕВЕРНАЯ ПОЧТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Северного Окружного Правления Союза работников Связи.

№ 3.

М А Р Т 1925 г.

3-й год изд.

Февраль.

В феврале 1917 года, ровно 8 лет тому назад, под напором нахлынувшей волны революционного движения, рухнул трон Николая Романова. Повевало свободой.

Повевало и... опять тот же гнет, та же эксплуатация и продолжение войны „до победного конца“.

Почему нет свободы? Почему опять те же сырые, холодные окопы? Почему переполнены тюрьмы и каторги политическими заключенными? Почему раздаются, раздирающие душу, крики: „хлеба!“.

На эти вопросы отвечает бичующий голос гигантской фигуры—истинного защитника угнетенных, порабожденных, голос, загнанный в подполье в „свободной“ стране, голос Ленина:

— Нет свободы потому, что царя заменили помещики, капиталисты, фабриканты, облачив властью предателей рабочего класса—эсеров и меньшевиков.

— Устои капитала остались незыблемы.

— Война „до победного конца“ и сырые, холодные окопы потому, что предательской власти нужно было, в угоду своим хозяевам, завоевать рынки для большей наживы.

— Война потому, что армиями командуют белоручки—сынки дворян—именитых особ.

— Тюрьмы переполнены потому, что свобода была только богатым. Свободы трудящимся не было и не может быть при власти буржуазии.

— Крики голодных раздаются потому, что жиреют от сытых изысканных обедов прислужники капитала.

— Земля остается у помещиков, фабрики и заводы у капиталистов, так как власть захватила буржуазия, а не рабочие и крестьяне.

На крики голодных буржуазная власть отвечала еще большей эксплуатацией и угнетением трудящихся...

Но февраль научил нас сражаться, Февраль показал, что немыслимо улучшение условий жизни трудящихся при буржуазной власти. Февраль толкнул трудящихся к Октябрьской Революции.

Февраль будет отмечаться, как преддверие Великого Октября.

Михаил Николин.

1871.

54 года тому назад, 18 марта 1871 г., в Париже, после бегства предательского правительства Тьера и перехода власти к Центральному Комитету Национальной Гвардии,—объявлена Коммуна.

Много воды утекло с того времени до наших дней, а Коммуна-Париж держит прикованным к себе внимание широчайших революционных масс.

Пролетариат не забывает и никогда не забудет уроков Парижской Коммуны и парижских коммунаров, мужественно умиравших в достойной пролетариата борьбе за коммунизм.

Парижские коммунары первые сделали попытку установить диктатуру пролетариата. В очень короткий срок существования Коммуны они провели целый ряд революционных мероприятий.

Всеобщее воинское обучение, взамен постоянной армии, безусловная выборность военных и гражданских властей и ограничение их жалованья, отделение церкви от государства, отмена ночных работ, передача оставленных убежавшими хозяевами фабрик и заводов рабочим кооперативным объединениям—все это славные страницы Коммуны.

Наряду с ними мы видим и недостатки, вытекавшие из слабости и малоорганизованности коммунаров.

Мягкость по отношению к буржуазии, имевшей возможность вершить контр-революцию и неиспользование капиталов, хранившихся в банке, при отсутствии средств у Коммуны для своей работы, имели роковые последствия—гибель Коммуны.

Уроки борьбы парижских коммунаров самым тщательным образом изучались К. Марксом, Лениным, и на уроках Коммуны строилась наша Великая Октябрьская Революция.

Парижская Коммуна является лучшим учебником героической, стойкой борьбы пролетариата за свое право на жизнь.

Продержавшись с 18 марта до 20 мая, реявший над Парижем флаг свободы пал.

Коммуна разгромлена.

По улицам Парижа, в течение целой недели, раздаются выстрелы, свистят пули, пускаемые контр-революционной рукой в коммунаров.

Мостовые усеяны трупами, залиты кровью рабочих, женщин, детей.

Крики, проклятия, стоны оглашают „культурный“, „цивилизованный“ Париж.

Это тучные, поджарые буржуи и их прислужники-предатели—справляют свой пир.

„Справедливость“ восторжествовала...

Кучка эксплуататоров завоевала себе возможность на горе и крови рабочих строить свое благополучие.

Кровавыми буквами вписаны в страницу истории 3000 расстрелянных и замученных, 7500 сосланных, 5000 заключенных в тюрьмы героев Коммуны.

Мы обнажаем головы и склоняем наши знамена над братской могилой коммунаров...

Михаил Николин.

Общие собрания.

Вопрос об общих собраниях — старый, но весьма важный и не безынтересный.

Общие собрания являются одним из основных видов массовой профработы. На собраниях выявляется и обобщается воля всех работников — всех членов Союза. Тут они теснее сплавиваются со всем рабочим классом, приобщаются к строительству новой жизни, к управлению государством.

Вполне уместно и своевременно, поэтому, посмотреть, как работают общие собрания в наших северных условиях, нет ли промахов в данном деле и что следует предпринять в будущем, для получения от собраний более существенных, осязательных результатов.

Посещаемость общих собраний, судя по имеющимся данным, — удовлетворительна. Она повсеместно перевалила за 50%, а в некоторых организациях достигает даже до 90—95%.

О каких-либо карательных мерах воздействия, в отношении посещаемости, говорить не приходится — их нет.

Кажется для нас, связистов, уже чем-то сказочным и сообщением в „Труде“ о всё еще практикующихся собраниях горняков „под замком“, т.е. при запертых входных дверях, чтобы работники не убежали.

Но всё-же, и при наличии высокой посещаемости собраний, нашим низовым ячейкам успокаиваться на достигнутом уровне или, как говорится, „почивать на лаврах“, — нельзя.

Ведь, не секрет, что работники нередко идут на собрания только в порядке „профдисциплины“. Не пойдешь, думает иной работник, — пожалуй, попадешь на замечку, будешь числиться плохим членом Союза, и неровен час — „сократят“ еще при случае.

Такое положение, конечно, мало утешительно, и — ненормально.

А отчего оно происходит? Да оттого, что на дело созыва и на порядок работы общих собраний все еще уделяется недостаточно внимания.

Собрания устраиваются зачастую по-казенному. Повестка — мало интересна. Время созыва — не подходящее. Помещение — невозможно тесное и не оборудованное и т. д.

Нужны совместные усилия союзных ячеек и самих работников для того, чтобы все эти „мелочи“ изжить, — наладить работу общих собраний так, чтобы они не являлись одной союзной „повинностью“, а наоборот, — были для большинства членов интересны и насущно необходимы.

Начнем с „мелочей“ — технической стороны созыва собраний.

Прежде всего, — помещение. Теснота, жара и духота, в которой собравшиеся часто, буквально, задыхаются и обливаются потом, — отпугивают работников и они идут на собрания неохотно. Великие же „стояния“ на ногах часа по три, по четыре, пока ведется собрание, — совершенно недопустимая пытка. Ведь, на собрания товарищи приходят после утомительной восьмичасовой работы на производстве. Вправе они, следовательно, рассчитывать на несколько лучшую обстановку для общественной работы. Об этом и нужно Союзу позаботиться.

Надо похлопотать и на счет подходящего помещения для собраний, и о заготовке, хотя бы самых простых, скамеек, и тем самым избавить работников от пытки „стояний“.

В данном деле может прийти на выручку администрация предприятия. Она поможет союзу денежными средствами, которых, к тому же, потребуется очень немного.

А что администрация поможет, то в этом особенно сомневаться не приходится, если вспомнить ст. 165 Код. Зак. о Тр. Статья эта говорит: „администрация предприятий, учреждений и хозяйств обязана предоставлять комитету бесплатно необходимое помещение со всем оборудованием, отоплением и освещением для занятий, как самого комитета, так и общих делегатских собраний, объединяемых комитетом работников“.

Дни и часы созыва собраний имеют немаловажное значение, в смысле посещаемости. Они должны устраивать большинство членов Союза, дабы последние не обижались, что собрание назначено „не во-время“.

Ожидания собравшимися „начала“ собраний по получасу — часу, а иногда случается и более,—чересчур тяжелы, утомительны и недопустимы. Подобные ожидания весьма нервируют, расхолаживают работников и приучают их самих к неаккуратности, к опаздыванию на собрания в следующий раз. Поэтому надо всегда открывать собрания точно в назначенный час.

Частый созыв собраний, по усмотрению только самих союзных организаций, а не по желанию большинства членов Союза, — тоже нельзя рекомендовать. Частые собрания отбивают у работников охоту к посещениям и они, если и являются, то только по обязанности. Как правило, собрания следует устраивать раз или два в месяц, но не чаще, если не встретится каких-либо неотложных вопросов, близко затрагивающих широкие слои рядовых членов Союза.

О времени созыва необходимо извещать всех объединяемых работников всегда заблаговременно, не менее как за три дня до собрания. В объявлении нужно указывать, какие вопросы подлежат обсуждению. Приписки же в объявлениях вроде таких, как—„явка всем членам Союза обязательна“, а иногда—„явка—желательна“ и т. п.—совершенно излишни. Каждый член Союза знаком с Уставом Союза (распубликован в членских книжках) и понимает, что на все союзные собрания он обязан являться, как член организации.

Повестка собраний играет главную роль в деле их оживления.

Члены Союза всегда пойдут с охотой на собрания, когда в повестке увидят вопросы, близкие большинству работников. Это следует запомнить всем профработникам.

От повестки же, т. е. от того—какие вопросы в нее включены,—не мало зависит и активность членов.

Если повестка дня будет составлена продуманно, на основе учета запросов членских масс,—будет заключать в себе волнующие работников вопросы,—собравшиеся примут деятельное участие в обсуждении и разрешении выдвинутых на очередь дел, а не останутся безмолвными лицами.

А то у нас активность рядовых членов на общих собраниях далеко еще недостаточна. Правда,—заметны и в этом отношении некоторые продвижения вперед. Так, например, ныне доклады уже не принимаются молчаливо „к сведению“, а в большинстве случаев — докладчики засыпаются десятками вопросов и иногда даже получают хорошую „ответдь“ из низов. Но в общем, все же повторяем,—активность участников собра-

ний слаба. Огромное большинство их на собраниях молчит и только — голосует.

Это явление пора изжить, — пора рядовой членской массе „раскататься“, сознавая, что они восьмой год живут и работают в свободной республике труда.

Таких дел, которые могут заинтересовать рядовых членов Союза и о которых есть о чем поговорить на общих собраниях, у нас имеется не мало и по союзной, и по производственной линии.

Колдоговор, тарифные соглашения, правила внутреннего распорядка, проведение отпускной кампании, работа союзных организаций, работа представителей Союза в расценочно-конфликтной комиссии, деятельность комиссии охраны труда, производственной, культурно-просветительной и проч. комиссий, работа хозяйственного предприятия, постановления союзных и межсоюзных съездов, конференций, пленумов и, вообще, распоряжения по союзной линии, новые задачи и мероприятия по ведомству, — всё это такие вопросы, которые близки для членов Союза и могут охотно обсуждаться на общих собраниях.

Прием в Союз новых членов, а также исключение из Союза элементов, чуждых Союзу, — тоже дело общих собраний.

Много возникает еще разных вопросов и среди самих рядовых работников. Но вопросы эти часто остаются не выявленными. Союзным ячейкам надо научиться подмечать их, да и самим рядовым членам Союза доводить о всех волнующих их вопросах до сведения союзных органов. В тех случаях, когда затрагиваемые вопросы касаются интересов значительной группы членов Союза, — обязательно нужно ставить их на обсуждение общих собраний.

Перегружать повестку собраний никогда не следует. Когда повестка велика, собрания затягиваются, работники утомляются и активность их, само собой, понижается. Вопросы в таких случаях прорабатываются наспех, плохо.

Полтора-два часа работы — для общих собраний вполне достаточно. Сверх этого, будет уже тяжело для работников, просидевших восемь часов на предприятии.

Докладчикам давно пора строго-настрого заказать, во-первых, — готовиться, как следует, к докладам и во-вторых — беречь время слушателей — говорить коротко и по существу, стремясь уложиться с докладом в рамки 30 минут. Многословие, а особенно пустословие, ради простого услаждения слуха, — совершенно излишни и даже нетерпимы в современной обстановке, когда членам Союза дорог каждый час для той или иной работы или учебы.

Что касается разговоров — прений со стороны собравшихся, то, конечно, надо всем и каждому отбросить робость и, кто имеет сказать что-либо дельное, обязательно говорить. Нечего стесняться того, что, может быть, получится выступление нескладно, бессвязно, коряво и т. д. Не в красноречии дело, а — в существе.

Не следует также стесняться выявлять на собраниях те или другие ошибки в работе союзных органов или администрации. Тем более не нужно бояться того, что выступления с критикой союзных или хозяйственных органов могут повлечь за собой какие-либо неприятности по службе.

„Правление,—как сказал тов. Томский,—есть приказчик Союза, а Союз—есть общий коллектив всех членов Союза, который избрал это правление и который может его деятельность критиковать и находить ее неправильной“.

Всякие выступления с критикой правления,—даже и резкие выступления,—вполне допустимы и на них обижаться никто не вправе и не будет.

Бесспорно, что ошибки или пробелы в работе союзных и хозяйственных органов скорее и безболезненно изживутся, когда мы их будем затрагивать и обсуждать именно на общих собраниях.

Профработники и, вообще, „ответственники“ ко всяким замечаниям низовых работников должны быть особенно чутки, внимательны. Они, обладая известным навыком в словоговорении, ни в коем случае не могут свисока „покрывать“ или „распекать“ выступающих товарищей из масс, а наоборот—обязаны спокойно и толково раз’яснить рядовым товарищам истинное положение вещей. Всякие резкости, нередко допускаемые ответственными работниками в заключительных словах, надо совершенно прекратить, ибо они отбивают у рядовых работников охоту к дальнейшим выступлениям и создают неприятное впечатление, что якобы „закрывают рот“ собравшимся.

Еще одно важное условие для оживления работы общих собраний. Это—точность и своевременность выполнения постановлений собраний низовыми ячейками. О том, что предпринято Союзом по каждому постановлению, союзные организации обязаны осведомлять работников на первом же собрании. Работники, убеждаясь, что все их коллективные решения проводятся в жизнь, а не остаются „гласом вопиющего“,—будут более серьезно относиться к своим постановлениям и постараются быть постоянными участниками общих собраний.

Когда союзные организации и рядовые члены Союза учтут все затронутые в настоящей статье „старые но вечно новые истины“,—общие собрания, действительно, займут то основное место в союзной жизни и работе, которое им по праву принадлежит.

И. З.

О новых путях обслуживания телеграфа.

К статье т. П. Лихачева („Сев. Почта“ № 12—24 г.).

На статью т. Лихачева об изменении порядка обслуживания телеграфных аппаратов, редакцией получено только два письма и то от товарищей, занимающих административные посты.

Рядовые работники, как техники, так и телеграфисты, сверх ожидания, не обмолвились ни одним словом. А, ведь, в означенной статье затронут весьма важный вопрос, близко касающийся всех работников телеграфа. Они, казалось-бы, могли внести ценные замечания из практики своей работы.

В полученных редакцией письмах—т.т. Б. и Раменский в принципе вполне соглашаются с тем, что реформа в деле обслуживания телеграфа необходима.

Пора установить такой порядок подготовки специалистов телеграфного дела, при котором ученики не только обучались бы приему и пере-

даче телеграмм по аппаратам, но знакомились и с устройством и назначением обслуживаемых приборов и их отдельных частей.

Надо учеников знакомить и с происхождением тока, и с правилами регулировки телеграфных аппаратов, с тем, чтобы каждый работник-телеграфист, как пишет т. Б.—„не нуждался в помощи постороннего лица, а сам, тут же сидя за аппаратом, сумел подвернуть известный винт, подрегулировать, смазать, где это требуется,—подобно тому, как портной или чулочница обращаются со своими машинами“.

Разрешение этого вопроса, в отношении поднятия квалификации наличных телеграфистов и техников, по мнению авторов писем,—требует длительной и упорной работы.

„Техническое дело,—пишет т. Раменский,—не дается очень легко каждому работнику и требует, кроме знаний, еще любви к этому делу и практики, а последние дать скоро нельзя. Мы являемся свидетелями и такого явления, как товарищи, прослушавшие техникумы, а, стало-быть, имеющие теоретическую подготовку и даже небольшую практику, не могут скоро сменить механиков, обслуживающих скородействующие системы“.

В отношении конечного результата реформы, взгляды т.т. Б. и Раменского резко расходятся.

Тов. Б. говорит, что—практическое разрешение затронутого вопроса—„создаст лучший кадр квалифицированных рабочих телеграфного дела, без подразделений на секции и на самостоятельность техников“.

По заключению т. Б.—не дело техника ремонтировать аппарат или иметь стаж и практику по капитальному ремонту аппаратов, т. к. для этого есть особые мастера. Технику же достаточно научиться применять главный инструмент—отвертку, с которой „на 90⁰/₁₀ оперируют наши механики телеграфа“ (слова т. Б.).

Тов. Раменский, наоборот,—подчеркивает, что „проект т. Каупужа, будучи проведен полностью в жизнь, не исключает вовсе кадра механиков, т. к. жизнь и дело этого потребуют, ибо современная техника неуклонно прогрессирует и дает все новые и новые механизмы. Очевидно, за развитием техники должны следить особенно кадровые механики, которые будут жить только своим делом, отдаваясь более технике“.

Не знаем, как смотрят сами рядовые техники и телеграфисты на предложения, выдвинутые т. Каупужем, а редакция, со своей стороны, полагает, что настоящий вопрос поставлен вполне своевременно.

Обучать телеграфистов и, особенно учеников, технической части телеграфии, безусловно, необходимо.

Когда аппаратчики будут знакомы с действием и болезнями обслуживаемой машинки (телеграфного аппарата), само собой понятно, что остановки в телеграфной работе сократятся и пропускная способность телеграфных проводов увеличится. А последнее—весьма и весьма важно.

Одновременно необходимо обучать и телеграфных надсмотрщиков работе на аппаратах (прием и передача телеграмм), если еще где-либо имеются такие необученные. Надсмотрщиков, конечно, можно использовать на работе, наравне с телеграфистами.

Что же касается техников-механиков, то мы на их обязанности и на учебу смотрим совсем не так, как т. Б.

По нашему глубокому убеждению, основанному на опыте практического обслуживания телеграфа, механики должны быть, в первую очередь, хорошими мастерами и практиками-специалистами своего технического дела.

Мастер, незнакомый теоретически с электротехникой и с самой „душой“ телеграфных скородействующих аппаратов, не может быть хорошим их лекарем. Это положение даже и в нашей вологодской действительности подтверждают те факты, что выпущенные из телеграфно-технической мастерской аппараты, где имеются высоко-квалифицированные мастера (слесаря и токаря), сразу же иногда приходится вновь возвращать в мастерскую для нового ремонта, так как „на линию“ они не идут (не работают).

Совсем иное явление наблюдается, когда аппараты находятся на полном попечении телеграфных механиков-мастеров, т. е., когда обслуживаются и ремонтируются самими же механиками.

То положение, что механики иногда не знают мастерства,—здоровым явлением признать нельзя и, в интересах дела, надо его постепенно изживать.

Нам и думается, что на ряду с учебой телеграфистов с основами электротехники и телеграфии, надо заняться поднятием квалификации техников, но, прежде всего, в сторону обучения их слесарно-механическому мастерству, а не телеграфированию.

При уничтожении подразделения по специальности, на техников и телеграфистов, нам кажется, техническое дело в телеграфной службе весьма и весьма пострадает.

Без специалистов-механиков, все наиболее сложные телеграфные аппараты скоро можно „запороть“ так, что, пожалуй, придется крыть действие по „Юза“ („агипч“) и переходить на „морзянку“.

Специализация в телеграфном деле—необходима так же, как и в других производствах.

Поэтому, прежде чем разрешить затронутый в статье „О новых путях обслуживания телеграфа“ весьма серьезный вопрос, придется не только семь раз, а семью-семь раз примерить,—всесторонне изучить в практической жизни телеграфа,—и только тогда уже выносить окончательное решение.

Редакция.

О нашей малограмотности.

„Наш Союз Связи—один из самых грамотных союзов“,—часто можно услышать эту сомнительную истину из уст самих же работников Связи.

Конечно, если понимать грамотность только лишь в смысле простого умения читать и писать,—без грамоты никак не обойдется ни почтальон, ни рассыльный,—то с этим согласиться можно. Все наши работники и читают и пишут.

Пишут канцелярские бумаги, циркуляры, телеграммы, телефонограммы. Телеграфисты прочитывают и переписывают при передаче и приеме целые вороха, иногда безграмотно составленных, телеграмм, почтальоны просматривают сотни и тысячи адресов на письмах. Словом, везде и всюду наши работники имеют дело с грамотой и, казалось бы, этой грамотой они должны обладать в достаточной степени.

Так ли оно наблюдается в действительности? Насколько грамотны члены нашего Союза в своей массе и может ли Союз Связи претендовать в отношении грамотности на первое место?

Смело можно сказать:

Нет!

Наша малограмотность—и в лице квалифицированных и даже высококвалифицированных работников,—как говорится, бьет по глазам и ушам.

Какие же причины этого низкого уровня грамотности в нашем Союзе?

В дореволюционное время в наше ведомство (в более поздние годы) принимались на службу, на должность почтово-телеграфных работников, лица, с образованием не ниже городского училища.

Какой-то дореволюционный журналист на страницах газеты утверждал однажды, что если в тогдашней царской России все население имело бы возможность пройти курс городского училища, то Россия была бы одной из образованнейших стран Европы.

Принимая на веру подобное утверждение, можно, пожалуй, было бы отнести его и к нашим бывшим почтово-телеграфным чиновникам, большинство которых (из молодых) получало это „блестящее“ образование.

Но в жизни мы видели совершенно иное. И обладатели „блестящего“ образования, попадая со школьной скамейки в ученики почтово-телеграфного ведомства, а потом—в чиновники 6 разряда, скоро забывали на службе ту скучную грамоту, что получали в городском училище.

Тяжелая служба, неограниченный рабочий день (от 8 до 15 час. в сутки и даже более), трактовые почты, письма, посылки, баулы, чемоданы, мешки, тюки, а на телеграфе—сотни и тысячи депеш—такая утомительная притупляющая работа не могла, конечно, укрепить или развить эту невысокую грамоту, какой располагал работник.

Вечно прикованный к этому каторжному труду, особенно—семейный, он не имел времени почитать не только хорошую книгу, но даже—и газету. Самообразование и саморазвитие—это был удел немногих счастливых.

Старые начальники почтовых учреждений в грамоте шли недалеко от почтальонов и рассыльных. Сами они, происходя, в большинстве, из крестьянского или мещанского звания, не имея иногда никакого образования, достигали „высокой“ служебной лестницы, начиная службу с этих же низших должностей.

Встречались почтмейстеры и начальники и из дворянского звания, но это были обиженные судьбою неудачники—люди полуобразованные или совершенно необразованные.

Наша русская художественная литература, как известно, не отразила на своих страницах почти ни одного образованного типа из почтовиков: мы видим там невежественных людей, часто в карикатурном изображении.

Одуряющая и притупляющая своим однообразием работа, как почтовиков, так и телеграфистов, способствовала не развитию грамотности, а наоборот.

Спецы-телеграфисты, сидящие постоянно за „морзянкой“, так привыкли к сокращенному телеграфному языку, что этот язык (без предлогов и знаков препинания) совершенно выбивал из головы всякую грамотность.

Не всегда напишет спец-телеграфист такую, например, бумажку.

„Состоя на службе, в течение трех лет, в N—ской п.-т. конторе, я ни разу не был в отпуске, по причине недостаточного штата в конторе, а потому“... и т. д.

Он напишет, в большинстве случаев, так:

„Состоя службе течения трех лет N—ской п.-т. конторе я ни разу не был отпуске причине недостаточного штата конторе а потому“... и т. д.

Это—всем известная истина. Даже и в наши дни, к стыду нашему, телеграфисты пишут, сплошь и рядом, таким же варварским языком.

Но если телеграфисты, разучившись писать по-человечески, совершенно выбросили из русской грамматики и знаки препинания, и предлоги, превративши свой письменный язык в какой то детский лепет, то и почтовики, вынужденные прочитывать и запоминать сотни и тысячи циркуляров и разного рода предписаний и отношений, усвоили, раз навсегда, специфический канцелярский язык, которым и „щеголяют“ в своих рапортах, донесениях, отчетах, протоколах и в частных письмах.

Все эти стертые, как старинные медные пятаки, словечки: „онье“, „сия“, „сие“, „при сем“, „присовокупляя“, „озабачиваясь“, (озабочиваясь), „имеемый“, „неимеемый“, „неимение“ (отсутствие) и т. д. и т. д.—все эти словечки являются продуктом канцелярского „творчества“ и не вышли еще из обихода до настоящего момента.

Даже в наших окружных управлениях, где сидят высококвалифицированные сливки нашего Союза, канцелярское „творчество“ продолжает процветать в таком же стиле. Исчезли только такие „перлы“, как „почтительнейше доношу ваше-ство“, „имею честь просить покорнейше“ и тому подобные речения, но все же наш деловой язык далеко не избавился от подобных словечек, которые звучат сейчас смешными архаизмами.

Итак, наша малограмотность в широких (и даже не широких) массах не подлежит никакому сомнению. Она—налицо. Против очевидности и возражать никто не станет.

Как же бороться с малограмотностью? Какие практические шаги можно предпринять хотя бы к частичной ликвидации малограмотности?

Тут мы пороха, конечно, не изобретем, но, прежде всего, всякому мало-мальски грамотному человеку можно порекомендовать—расстаться, раз навсегда, с устаревшим канцелярским лексиконом, а нашим телеграфистам—признать русскую грамматику, не пренебрегая такими, по их мнению, „тонкостями“, как знаки препинания, предлоги и прочие правила русской грамматики.

Правда, грамматику скоро не изучишь, да если и изучать будешь, то сразу правильно писать не научишься: для этого необходимо постоянное чтение избранной художественной литературы—мастеров родного языка. Читая часто такие книги, наша зрительная память незаметно запечатлевает правильность написания отдельных слов и правильную расстановку знаков препинания.

Для этой же цели можно рекомендовать книгу: „Новый орфографический справочник“ (И. Устинов, издательство—Москва, „Красная Новь“ при Главполитпросвете, 1923 г., с кратким толкованием малопонятных и непонятных слов и орфографическими упражнениями в связи с развитием речи. Цена справочника—1 рубль).

Справочник весьма полезен, как предупредительная мера при обучении правописанию.

„Перелистывая справочник,—говорит автор этой книги,—и делая в нем требуемый задачей выбор, учащийся невольно обращает внимание на формы слов, сравнивая их друг с другом. Чем чаще пользуется он таким пособием, тем более приобретает навык быстро замечать форму

слова и, таким образом, развивает в себе орфографическую наблюдательность“.

Подобные словари в американской и английской школах давно уже вошли в общее употребление—их имеет там каждый школьник.

Но, само собой разумеется, одного словаря недостаточно. Как уже сказано выше, грамотность достигается систематическим чтением хорошей литературы. При таком способе убивается два зайца: и грамотность приобретается, и общее саморазвитие повышается, в том, конечно, случае—повторяем—если будет сделан соответствующий подбор литературы.

Литературные кружки и кружки самообразования в клубах и красных уголках, имея целью политическо-социальное развитие своих членов и вообще самообразование, ставят также своей задачей—научить членов правильноному литературному изложению своих мыслей. *)

Цель нашей статьи—напомнить малограмотным членам нашего Союза, что бесцеремонное отношение к родному языку—такое небрежное отношение к нему, какое наблюдалось до сих пор, надо понемногу изживать.

Уж если мы претендуем ставить свой Союз в первые ряды, гордясь своей поголовной грамотностью, то нужно по достоинству и расценивать эту грамотность и иметь гражданское мужество сознаться, что мы, в сущности,—весьма и весьма малограмотны.

А сознавшись в этом,—надо до конца доводить,—всеми имеющимися средствами добиваться возможной ликвидации нашей малограмотности.

Писать так, как мы до сих пор писали и пишем, недостойно культурного человека. Калечить русский язык, например, потому лишь только, что сравнительно грамотный телеграфист приобрел дурную привычку обходиться без знаков препинания и предлогов—это, выражаясь скромно,—распушенность, разгильдяйство.

„О, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!“—сказал когда-то Тургенев, придавая родному языку громадное значение. А мы, положа руку на сердце, не придавали языку и законам его употребления ровно никакого значения, ограничиваясь, в лучшем случае, готовым штампом канцелярского „творчества“.

Такой „литературой“ мы пользуемся не только в донесениях, отношениях, рапортах и протоколах, но снабжаем ею, обыкновенно, и наши союзные печатные издания, не говоря уже о стенгазетах, многие из которых являются образцом малограмотности.

Если в более крупных центрах, в клубах и красных уголках, члены Союза могут пополнить этот весьма существенный пробел, то не исключается возможность самообразования и повышения своей грамотности и для наших одиночек, рассеянных по глухим уголкам Севера. Самую необходимую литературу всегда можно найти хотя бы в той же сельской школе.

К. К—н.

*) При Главполитпросвете, в Москве, существует комиссия помощи самообразованию, которая издает, между прочим, журнал „Помощь самообразованию“. Все сведения, как о журнале, так и указания об организации кружков, можно получить в местных органах Политпросвета.

Обывательщина.

Большая семья тружеников Связи, как муравейник, вместе с рабочим классом, строит великое здание.

На развалинах разрушенного мира воздвигается величавый союз рабочего и крестьянина. Работники Связи крепят этот союз.

Каждый день приносит известия о достижениях отдельных товарищей или целых коллективов на фронте политической, экономической и культурной смычки города с деревней.

Каждый подписчик газеты, завербованный связистом, каждая газета, книга, продвинутые почтовиком в крестьянскую массу, есть прочные нити, закрепляющие непобедимый рабоче-крестьянский союз.

Каждое участие работника Связи в общественной, культурно-просветительной, кооперативно-хозяйственной жизни волости есть работа по укреплению смычки.

Но в семье—не без уroda. Есть и такие—которые крепят другую смычку: с непманом, кулаком, попом и со всем тем, что пропитано обывательщиной, затхлостью, антисоветскими тенденциями.

Наряду с радостными вестями, свидетельствующими победное движение вперед, приходят и другие вести—о неподвижности, о тяге назад, о существующей опасности, о неблагополучии в наших рядах.

Насколько многообразны способы общественной работы в деревне, настолько разнообразны и способы, при помощи которых деревенский работник Связи попадает в кулацкую, непмановскую и поповскую среду.

Во-первых, это происходит на основе материальной малообеспеченности наших, особенно многосемейных, работников в деревне, вынужденных „подзаныть“ что-либо у кулачка или торговца, ставя, таким образом, себя в экономическую зависимость.

Во-вторых, на основе „чинопочитания“ со стороны деревенских „благодетелей“, обожающих „почтового барина“: иные из наших сельских завпредов так и расплываются в приятную улыбочку от такого „титулования“ и уж никак не откажутся попить на свадьбе, на крестинах, или в „престольный праздник“, вместе с тем, кто любит с „почтовымбарином“ душу отвести в приятных воспоминаниях о временах кокард, светлых пуговиц и прочей „благодати“.

А свадьбы—штука увлекательная! Мы имеем сведения, что один завпред четыре дня почты не открывал, гуляя на свадьбе.

В-третьих, некоторые наши „баре“ считают за преступление не сходить в церковь, не чмокнуть пухленькую ручку у бати и не зайти к нему покалякать.

А „бать“, в свою очередь, считает себя обязанным не остаться в долгу, сделать визит „почтовому начальнику“... И вот дружба завязалась.

Этих примеров можно найти сколько угодно. Все они имеют, по нашему мнению, единственную причину своего появления: бездействие, в свободное от службы время, сельских работников, тех, о которых здесь идет речь.

Надоест человеку сидеть без дела,—ну, и пойдет искать развлечения среди отбросов деревенского общества.

А потом и сам делается отбросом.

Как будто в избу-читальню, в школу, в Вик, в ликпункт, в партийную и комсомольскую ячейки двери закрыты. Мы не допускаем мысли, что сельский работник Связи не знает туда дороги. Он знает ее, но предпочитает другую—мещанскую дорогу.

Главная беда в том, что мы—не общественники, или—что еще хуже того—мы не хотим ими быть, не хотим учиться вести общественную работу..

Сельского работника засасывает трясина мещанства обывательщины, поповщины.

Он тонет в этой трясине и ничего не хочет сделать, чтобы из нее выбраться. А выбраться нужно теперь же, иначе будет поздно. Трясина затянет по уши.

На смену обывательщины идет новая рать: в организм Связи будет пущена свежая живительная струя. Она окончательно похоронит трясину, органически связанную с частью наших „провинциалов“, а вместе с нею похоронит и тех, кто завяз в этой трясине, погиб навсегда и для Союза и для ведомства Связи.

Михаил Николин.

Работа передвижных почт по Уржумскому уезду.

После продолжительной подготовки, по Уржумскому уезду, организованы три кольцевых передвижных почты: внутриуездная, по Уржумской укрупненной волости и по Шурминской волости. Представлены проекты по Кокшинской волости.

При организации „передвижек“ встречалось много затруднений: не имея точных карт, пришлось собирать сведения и изучать местности прохождения почт.

„Передвижка“ открыта 10 января. Сопровождающими выделены вполне развитые квалифицированные работники.

В нашу деревню „передвижки“ внесли большое оживление. Уже после первых поездок и разъяснений „передвижников“ о достижениях науки и техники, из деревни были сделаны запросы о постановке у них радиостанции. Хотя в небольшом количестве, но постепенно увеличивается прием переводов, выдача ценных писем, посылок.

„Внутриволостная почта тоже хороша,—говорят граждане,—только вот—кабы лошадок за плату“.

Впрочем, так говорят крестьяне ближайших к городу деревень.

Вообще, крестьяне поддерживают это дело, которое, при их помощи, принесет им большую пользу.

(Из стенгазеты „Наша Жизнь“ Уржумской организации, № 3).

К—н.

СОЮЗНАЯ РАБОТА НА МЕСТАХ.

О работе Малмыжского райрабочкома.

Райрабочком объединяет десять предприятий: контору, радио, телефон и 7 предприятий района. Членов союза—69, из них безработных—14. Из числа работающих: женщин—7, безработных—8, мужчин безработных—6, из коих трое работают в других союзах.

Имеется план работы на три месяца, январь—март. Часть намеченной работы уже выполняется. На общем собрании проработаны вопросы о тарифно-экономической работе 6 Съезда Профсоюзов.

Все члены Союза состоят членами кассы взаимопомощи и кооперации, членами Мопр состоят все 100%, в межсоюзном клубе—35 человек, Доброхим—19, Помощи детям—18 и „Долой неграмотность“—15.

При Рабочкоме имеется „Красный Уголок“, есть небольшая библиотека, постоянно пополняемая самой необходимой литературой. Каталог книг разослан по предприятиям района. Для уголка выписываются газеты: „Правда“, „Известия ВЦИК“, „Вятская Правда“, „Беднота“, „Крестьянская газета“, „Рабочая газета“, „Безбожник“ и журналы: „Мопр“, „Красная Нива“ и „Безбожник“.

В „Красном Уголке“ все члены союза несут очередные дежурства. Газеты, по прочтении, отсылаются в деревню через агентов „передвижки“. Один раз в неделю в уголке читаются лекции по естествознанию. Издаётся стенная газета. Имеется кружок по поднятию квалификации, главным образом, по изучению работы на „клофере“, насчитывается уже вполне подготовленных 10 клоферистов.

В ближайшее время предполагается взять шефство над деревней, совместно с женотделом. Работа в деревне частично ведётся агентами „передвижек“.

В ближайшее время намечено обследование предприятий района.

Воробьев.

О работе Уржумского райрабочкома.

Рабочком объединяет 14 предприятий Связи из 61 члена, из которых безработных—10.

Взаимоотношения с Упрофбюро хорошие. По району, один раз в месяц, посылается копия информационного письма о деятельности райрабочкома.

Женщин в городе—9, в уезде—3, из них безработных в городе 5 и в уезде—2. Работа ведётся в межсоюзном масштабе.

Детский праздник проводился исключительно женщинами—женами работников.

Молодежи мало. Работа среди них ведется также в межсоюзном масштабе. Молодежь втянута в работу в комиссии: производственную, культурно-просветительную и др.

В „Красный Уголок“ выписываются, в достаточном количестве, кроме союзных журналов, прочие периодические издания. Имеется библиотека, которая, ежемесячно, пополняется литературой. Посещаемость лекций при Упрофбюро пала совершенно, т. к. лекции проходят в часы вечерних занятий. Выходит № 3 стенной газеты.

Работники состоят в следующих обществах: МОПР—47 чел., ОДВФ—47, „Беспризорного ребенка“—29. Кооперированы члены Союза слабо: всего лишь 19 человек.

По изучению производства, два раза в неделю, читаются лекции.

А. Бельтюкова.

О-во Радиолюбителей.

В январе месяце с. г., в Шенкурске, Архан. губ., организовано об-во радиолюбителей, в котором состоит сейчас уже 118 человек, исключительно служащие—члены профсоюзов, партии и РЛКСМ.

На общеорганизационном собрании зачитан устав, избран совет О-ва из 9 человек и ревизионная комиссия из 3 человек.

В Президиум совета вошли: т. т. Третьяков (завконт), Лысков (помзавконт) и Копосов (радист).

По поручению общего собрания и совета, президиум обратился в Горбанк, откуда получил кредит 400 рублей. Из них 350 рублей уже отправлены в Уокр Северный для приобретения, через Центр, громкоговорителя.

Радиолюбитель.

„К сведению“.

Ознакомление членов Союза сельских предприятий с работой наших союзных органов имеет весьма большое значение и интерес.

Онежский райрабочком уделяет этому „внимание“: рассылает по тракту копии протоколов своих заседаний, но работники их почти не читают.

Да и какой интерес может быть в протоколах, когда рабочком занимается „заслушиванием“ циркуляров да отношений всяких, вынося по каждому из них постановления... „к сведению“.

Таких циркулярных вопросов набирается каждый раз до десятка, как это было в последнем, например, протоколе.

А в результате—нет ни одного живого вопроса. Тут многого не почерпнешь.

Пора рабочкому бросить подобную „проработку“ циркуляров и перейти к периодической, более живой, информации о своей работе, хотя бы через журнал „Сев. Почта“, как это рекомендовала ревкомиссия.

Мы тогда только будем в курсе дела и можем заинтересоваться работой райрабочкома.

Н. Михеев.

„Культурные деятели“.

Просматривая журнал „Северная Почта“, видишь кое-что о культурной работе в Семеновской потельконторе.

По материалам печати, как будто бы, все обстоит благополучно—и радуешься за их деятельность:

„Ай да, уполсвязи тов. П! проявляет, знать, свою инициативу и, как женщина, в Шенкурском уезде среди почтовиков—активистка на редкость“.

Но если проследишь работу, проделанную т. П. в обыденной жизни, фактически, а не только по печати, то получается обратная картина—полный застой в работе, ибо вся эта работа сводилась к соглашению с администрацией по всем вопросам.

Литература, которая должна быть материалом к изучению профдвижения в Союзе Связи, например, отчет о работах 7 С'езда профсоюза Связи, вместе с делами, сдавались в архив.

Выводы, как будто, и излишни.

(Из стенгазеты „Красный Октябрь“ № 4, Шенкурск).

Око.

Ну, и помощники!

Наш Емецкий район объединяет 25 человек членов Союза Связи—15 человек при конторе и остальные 10—по предприятиям.

Союзная работа протекает довольно вяло. Со стороны работников—отношение пассивное.

А одному уполномоченному вести всю союзную работу не так то просто—человек всегда занят своей прямой работой в конторе.

Укажем, например, на такой факт: уполсвязи посылает двух членов Союза в подшефную волость, для проведения собеседования среди крестьян, но те категорически отказываются: не сумеем, дескать, провести—засмеют.

Состоя полгода в комсомоле, посещая разные кружки и собрания, им, как комсомолкам, довольно стыдно иметь такую мотивировку.

(Из стенгазеты „На Светлой Дороге“ № 9, Емецк).

Око.

Общество „Друзей Радио“.

В Вятке организовалось Губернское отделение общества „Друзей Радио“, в которое уже записалось 90 человек.

Приняты меры к приобретению громкоговорительного устройства для обслуживания членов о-ва. Громкоговоритель временно предположено установить на радиостанции.

Для разрешения технических вопросов, правление ОДР выделило консультационное бюро.

Для большего вовлечения трудящихся в члены об-ва, предположено прочесть ряд популярных лекций об историческом развитии радио, современных достижениях и применении радио в быту, а также о целях и задачах об-ва.

Заврадио Козлов.

Она идет...

(Н а б р о с о к).

Долго спала наша русская женщина. И сон был крепкий, непробудный сон...

Целые тысячелетия никто не нарушал этого сна, да и сама женщина не думала не гадала, что есть другая лучезарная жизнь, есть радость, есть свет...

Но вдруг все встрепенулось, забурило, загрохотало и нарушило тысячелетний покой женщины.

Это была Революция.

Дерзкая, буйная, она бросила вызов старому миру.

Не пощадила она и спящую женщину, разбив ее иллюзии о домашнем счастье, семейном уюте.

И каким непривлекательным показалось ей прошлое—эти серенькие будни маленького счастья...

До уха спящей женщины донеслись новые слова:

— Равноправная гражданка общества...

— Строительница новой жизни...

Ее зовут приобщиться к этому новому, манящему, зовущему в даль.

Странно, ново и необычно...

Но жизнь мощным голосом кричит на всю вселенную:

— Цепи порвешь ты только сама!

И робкими несмелыми шагами вступает она на новый путь.

С каждым часом вернее и тверже становится поступь.

Все дальше и дальше отходит дряхлый мир.

Новые неведомые горизонты манят женщину. И она, озаренная алыми лучами воходящего солнца, вступает в новый путь.

И хоть путь далек, тернист и труден, но она твердо решила идти...

Она идет...

Е. К.

Международный женский день у связистов.

В Вологде.

6 марта, в 7 час. вечера, клуб связистов собрал многочисленное городское собрание, свыше 300 человек. Зал не мог вместить всех присутствующих.

При открытии собрания профорганизатор тов. Корнакова, приветствуя крестьянок подшефной волости, прибывших на праздник, между прочим, сказала несколько слов о той темноте и невежестве, в каком, еще и до сих пор, находится наша крестьянка, что нынешний международный женский день должен проходить именно под лозунгом смычки работницы с крестьянкой.

Представительница от подшефной деревни в ответ на эту речь отметила, что темна еще наша русская деревня и особенно темна крестьянка, которая так нуждается в помощи и просвещении.

Представительница благодарила своего шефа (союз Связи) и просила почаще навещать их.

Тов. Лихачев выступал с докладом о международном положении женщины.

По этому докладу принята следующая резолюция:

„Общегородское собрание отмечает тяжелое положение международной женщины, как и всего рабочего класса в странах капиталистической эксплуатации. Неравенство на работе, фактическое политическое бесправие, гнет семейный и общественный—вот каков удел в настоящее время наших заграничных сестер-работниц и крестьянок. Собрание призывает работниц всего мира—идти совместной революционной борьбой со всем мировым рабочим классом по пути русского рабочего революционного движения, по пути завоевания диктатуры пролетариата, обещая, со своей стороны, всестороннюю поддержку и помощь своими силами и энергией, революционным опытом и умением беззаветно умирать и побеждать в борьбе“.

На следующий доклад профорганизатора тов. Корнаковой „Женщина и Профсоюзы“ принята такая резолюция:

„Мы, работники и работницы Связи, собравшись 6-го марта, накануне меж. жен. дня, подытожив годовую работу женщин-работниц Связи, находим, что они сделали большой шаг вперед по пути своего производственного, союзного и политического развития, по пути приобщения своего к советской общественности наравне с мужчиной. Мы считаем задачей наступившего года—продолжение этой работы, углубление ее, втягивание в работу всей женской массы и укрепление смычки с крестьянкой.“

После доклада было чествование женщин-работниц Связи, прослуживших в ведомстве свыше 20 лет. Эти чествуемые женщины (7 чел.), сидели за столом с президиумом собрания: Е. А. Поматилова, С. В. Шульгина, А. П. Образцова, М. Н. Максимова, Е. Ф. Левкович, Ф. С. Ширяева и А. Г. Ситникова.

С приветствиями этих женщин выступали: представитель от ячейки РКП, РЛКСМ, от райженотдела, профсоюза, от юных пионеров и от подшефных крестьянок.

В заключение собранием постановлено приветствовать телеграммой в меж. жен. день наших старейших революционерок Клару Цеткину и Надежду Константиновну Крупскую.

В Вятке.

Не имея своего клуба, мы перенесли свое торжественное заседание в международный день женщины на 10-е марта, а 8-е марта решили отпраздновать в межсоюзном объединении.

Вечером, 8-го марта, можно было наблюдать, как со всех концов города спешат работницы в городской театр.

В театре чувствуется праздничное настроение. Все домашние заботы забыты. Среди работниц несколько делегатов-крестьянок. Из нашей подшефной деревни тоже приехала делегатка.

Поднимается занавес. На сцене—президиум: работницы и крестьянки. Подальше сидят работницы, приглашенные для вручения им кандидатских и членских билетов в РКП.

После доклада завгубженотделом о международном дне работницы заслушаны приветствия от РКП, ГСПС, РАКСМ, Красной армии, пионеров и др.

Но вот берет слово одна из крестьянок. Говорит робко, неуверенно: „Мы были совсем последними, а вот теперь нас ставят, вместе с мужчиною, впереди“...

И без красивых фраз всем понятна ее мысль.

Потом была передача 55 работниц в РКП. В числе их—одна работница Связи.

Вечер закончился спектаклем—была поставлена пьеска „Бабы“.

10 марта у нас проходило свое торжественное заседание, закончившееся инсценировкой „8-ое марта“ и концертом.

Ходырева.

В Архангельске.

Торжественное заседание в международный день женщины собралось свыше 200 человек. С докладом выступал предрайбюрокома Связи тов. Чебунин.

Пояснив историю возникновения дня 8-го марта, во что превратился этот день вождями II-го Интернационала, докладчик остановился на характеристике празднования этого дня в России.

По докладу принята следующая резолюция:

„Работницы Связи, собравшиеся на общегородское собрание, в день 8-го марта, присоединяют свой голос протеста против буржуазного гнета.

Работницы Связи призывают всех трудящихся Запада и Востока под знамена коммунистического Интернационала для борьбы с буржуазным господством.

Еще теснее сомкнем свои ряды вокруг Коммунистической Партии и приложим все усилия на работе хозяйственной и культурной“.

С.

Начинают просыпаться.

В Союзе Связи в горорганизации насчитывается 14 человек.

Работа за последнее время значительно улучшилась. Вовлечены даже женщины-члены семьи. Женские собрания созываются регулярно один раз в неделю, в конторе. Проводятся беседы, доклады, (поочередно самими женщинами), а по четвергам—громкое чтение книг, газет и журналов.

Четверо состоят в межсоюзном кружке активисток, делают доклады в женотделе.

На уполномоченную по работе среди женщин и троих делегатов возложены определенные обязанности: каждая из них прикреплена к той или иной межсоюзной организации.

Наконец-то женщина начинает просыпаться и у нас, в глухой провинции.

Из.

К лешему!

Для проведения праздника международного дня работницы пущен был в Котельниче подписной лист, имея в виду устройство вечера, с целью — сплотиться с крестьянскими девушками.

На предложение подписки одному из работников, некоему А. Плотникову, последний сказал:

— Ну вас к лешему!

Вот как относятся наши мужчины к женщинам, стремящимся к активной работе.

С такими товарищами, сотрудничая рука об руку, не пойдешь.

Работница.

Работница Связи в прошлом.

В 1905 году, во времена свирепого тов. министра внутренних дел Дурново, когда за каждое замедление депеши, на 10—15 минут, служащие сплошь и рядом увольнялись, этим „сановником“ был издан приказ, коим всем женщинам, состоящим на службе в потельведомстве и выходящим замуж не за потельработника, дальнейшее пребывание на службе не разрешалось.

Все служившие тогда женщины (численность их была очень незначительна: например, в конторе 1-го класса на 200 чел. мужчин было лишь 5 женщин) понятно, возмутились, но морально были убиты.

По поводу этого нелепого приказа, неизвестным автором (приписывают женщине-работнице Связи) было составлено следующее „прощальное письмо“, которое передавалось по всем проводам, преимущественно, в ночное время.

„Я Вам пишу... чего же боле.

„Я правду Вам должна сказать:

„Увы! две наших юных доли

„Никак нельзя в одну связать...

„Мы поклялись, как святыне,

„Любви, единственной любви...

„Ее забыть нам нужно ныне,

„Не проклинай и не зови.

„Ах, мы о счастье так мечтали,

„Пред нами радужные дали

„Огнем заманчивым сияли,

„Но... он жесток,—закон судьбы.

„А мы... а мы—ее рабы.
„Бывает—стукаю депешу,
„Не поднимая головы,
„Но сердце я сознанием тешу,
„Что у меня есть друг—есть Вы,
„Что я не буду одинока,
„Как телеграфный аппарат,
„Но шутит с нами жизнь жестоко,
„Хоть мы стоим у счастья врат.
„Я Вас любила с чистым жаром,
„О Вас мечтала я давно,
„Но вдруг, строжайшим циркуляром
„Мне Вас любить *запрещено*.
„Разлуки нашей—вот виновник!
„Уж Вашей мне не быть женой...
„Ах, почему Вы не чиновник?
„Не вместе служите со мной...
„Тогда бы эта бездна мрака
„Не поглотила сладость чар,
„Тогда препятствием для брака
„Не мог служить сей циркуляр.
„Кто дал чиновникам в столице
„Власть циркуляры составлять?
„Я молода... Ужель в девицах
„Придется жизнь мне коротать...
„Все, все считали нас за пару...
„О Вас я память сберегу,
„Но выйти я по циркуляру
„За сослуживца лишь могу,
„Но... сослуживцев симпатичных
„Нет в отделении у меня,
„Ряд лиц я вижу апатичных,
„Без увлечения, без огня.
„У опротивевшего Юза
„Сижу печальна и бледна,
„Не ведать с Вами мне союза
„И впереди вся жизнь темна.
„Прощайте, добрый и любимый,
„Жесток наш рок неумолимый,
„Прощайте, друг мой дорогой,
„И... будьте счастливы с другой...
„Я Вас любила чистым жаром...
„Женой мечтала Вашей стать...
„Но... все разбито циркуляром...
„Прощайте... силы нет писать...”

Это курьезное стихотворение говорит далеко не о курьезном циркуляре, в силу которого многим женщинам приходилось в былое время и служить и даже жить по циркуляру, а не как она сама хотела.

С. Ш.

„Антирелигиозное выступление“.

Захотели ли кадниковские почтовики отметить отъезд бывшего завкон-та М., или приезд его заместителя озаглавить, или какой другой случай представился—неизвестно.

Но, так или иначе, этот неизвестный случай ими был отмечен.

Так отмечен, что долго он останется в памяти не только у самих участников, но и у мирных обитателей богоспасаемого Кадникова, а особенно... у группы верующих!

Ведь, надо же было напиться (не воды, конечно, не чаю) до того, что... выхлестать рамы в кафедральном соборе и часовне!

Как истолкуют это „антирелигиозное выступление“ боголюбивые обыватели Кадникова?

Как оправдать эту „молодецкую удаль“ почтовиков, упившихся до чертиков?...

Подвернулись под руку стекла в соборе—хлещи их! Благо настроение антирелигиозное подошло...

Попался на пути костер телеграфных столбов — разбрасывай их по сторонам! Как палки полетели столбики по воздуху!

Иные определяют это „выступление“ бесшабашной русской удалью, отвагой, когда от полноты „чувств“, что называется, — душа на распашку.

Но наш уголовный кодекс подобным „выступлениям“ дает иное определение, а именно:

Хулиганство!

М.

„Барышня“.

„Кто-то мне судьбу предскажет“...
(Из народной песни).

— Ой, ой... счастливый ты, человек, счастливый... Много тэбэ радости будет... Ну, вот, положи мнэ на руку сребрянную денежку и скажу я тэбэ—какое ты получишь счастье через дэветь дней...

Эти гортанные звуки слышались как-то в операционном зале Котельнической конторы.

Цыганка — человек бывалый и неглупый — зашла в контору подать телеграмму... но, понятное дело, — решила пополнить свои телеграфные расходы, благо из публики нашелся какой-то молодой человек — нельзя сказать, чтобы дурак, но — и не умный тоже...

Из-за барьера начали высовываться головы потелей, выражающих удивление...

Заслушав знакомые звуки — „сшастье тэбэ будэт, радость тэбэ будэт“ — одна из работниц — хоть и сидела далеконько — мигом встрепенулась и сорвалась с места... больно уж захотелось узнать „барышне“ свою судьбу.

Но по адресу „барышни“ со стороны потелей послышались не совсем лестные эпитеты.

Да и из публики кто-то, будто топором отрубил:

— Восьмой год советская власть существует, а дураки все еще не перевелись!...

Не стала гадать „барышня“, вернулась к своему столику и принялась за скучную регистратуру...

А кто-то из молодежи все еще продолжает ворчать на „барышню“.

„Барышня“ разобиделась:

— Ну, и молодежь у нас — вечно смеются над барышнями, — сказала она.

„Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало“, — скажут, пожалуй, иные.

Так-то оно так, но только — „барышня“ эта... член РЛКСМ, организатор по работе среди женщин и представитель от женщин на заседаниях рабочкома связи!

Уж если „активистка“ в Котельниче — такой высокопробной марки, то невольно является вопрос: какую идеологию имеют прочие работницы?

А. Плотников.

„Агитатор“.

В Котельниче передвижная почта по кольцевому тракту как будто и налажена. Беда только в том, что крестьяне некоторых селений до сих пор еще не знают, — что это за „передвижка“ такая и для чего она установлена?

Если продолжать такую же „агитацию“ среди темного населения и в дальнейшем, то, надо полагать, о „передвижке“ будут в неведении еще около десяти лет.

У нас тов. Патрушин слывет в конторе самым развитым человеком — и политически и общественно, а потому он и был назначен завконтом в дорогу с „передвижкой“.

Заходит, это, тов. Патрушин в деревенскую избу, едва лишь покажется в дверях, как все обитатели в страхе пятаются назад: не комиссар ли, думают, приехал какой.

— Чего это вы испугались? Я вам привез письмо и повестку.

— А что это за повестка? — спрашивает испуганный крестьянин.

— Повестка на доплатное письмо... Вы должны уплатить 14 коп., а если денег нет, то оставляю одну повестку... поеду обратно — приготовьте денежки...

Сказал — и пошел в „экипаж“.

Напуганный мужичек останавливает, робко, агента и спрашивает:

— Скажи, пожалуйста, зачем это на дом-то стали возить? письма-то?..

Агент „передвижки“ устаетивает все же объяснением.

— Ага, понял, — говорит мужичек, — а я думал, что милиционер приехал... повестка эта нас напугала... думали — достают нас в город... в милицию, али на суд...

„Вот оказия то,—усевшись в сани, думает „передвижной“ агент,—чего бы, кажется, пугаться тут... серость... необразованность...

В размышлениях о серости и необразованности, незаметно под'ехали к следующей деревеньке.

— Вот что, дорогой,—обращается агент к ямщику,—возьми ка вот это письмо с книгой и занеси хоть в эту вон избу,—показывает пальцем на первый попавшийся дом,—да дай расписаться в книге.

Через несколько минут возвращается „рассыльный“—письмо несет обратно.

— Не сдал,—говорит,—карандаша нет... расписаться нечем.

— Ах, черт поberi!.. и у меня то его не имеется... должно быть, потерял дорогой... ну, ладно... сбегай в другую избу...

Там, к счастью, расписаться нашлось чем...

— Эй, голубка!—кричит ямщик,—и „передвижка“ помчалась дальше...

„Так-то оно и лучше,—размышляет „агент“,—ямщика-то не будут бояться мужики, да и самому спокой дорогой...

А как вернется обратно в контору—наговорит с три короба: дескать, приходится много и много говорить среди крестьян и агитировать им... Уж так украсит свои речи, что лучше нельзя.

Завконт дорожит своим агентом: ведь, кроме т. Патрушина, послать некого... а он может просветить темную массу, ибо человек развитой...

А те, которые неразвитые, думают:

„По шеям-бы такого агента!“

Разведчик.

Не разговаривать!

— Не разговаривай! Доношу в Уокр!

Такие угрозы постоянно можно прочесть на телеграфной ленте из В. Устюга, по 1596 проводу—по адресу работников провинции, работающих по нескольким отраслям почт.-тел. дела.

Не успевший ответить в течение пяти минут на вызов аппарата получает этот грозный „окрик“ от своих товарищей.

На объяснение, что был занят другим срочным делом, снова получаешь „жуткий“ ответ:

— Не разговаривай! Доношу в Уокр!

Но, если бы сами были безгрешные, тогда бы можно отнестись к устюжанам снисходительно, а то, ведь, нередко случается, что и В. Устюг не отвечает по 15 минут, о чем и имеются записи в телеграфных журналах.

Пора, наконец, товарищи, прекратить эти грозные окрики и подходить к поднятию производительности с другой стороны.

Тем более, что на эти окрики мы вправе сказать устюжанам, сидящим на 1596 проводе:

„Врачу, исцелися сам“.

П. Печинкин.

„Чернокнижник“.

Каждый зав конторы имеет определенную работу. Только в Архангельске завтель Савин не знает—чем заполнить свой ненормированный рабочий день.

От безделья он занялся игрой на нервах своих подчиненных: завел „черную книгу“, подобной которой, надо думать, после Октябрьской революции, не ведется по всему СССР.

В эту книгу он записывает малейшее упущение работника.

Сплошь и рядом упущение является таковым лишь в глазах Савина: случайная описка, чернильная клякса и т. п.

При обнаружении хотя бы незначительной ошибки, завтель мигом преображается: потирает от удовольствия руки и начинает писать в свою любимую книгу нотацію провинившемуся. Охотно делится при этом своей неподдельной радостью со случайными свидетелями обнаруженного „упущения“:

— Попался (имя рек), попался, попался... ошибочку, ошибочку допустил...

Бывают такие „несчастные“ дни, когда положительно не к чему придраться... Скучает тогда завтель. Ходит мрачнее тучи...

Отношение Савина, впрочем, не для всех одинаково. Есть один экспедитор, некто А. К—ва, которая непогрешима по службе.

Работники телеграфа утверждают, что серьезных недочетов в работе завтель не замечает и, сам допуская нередко промахи, их, конечно, не регистрирует. Сожалеют, что у них нет такой книги, в которой можно было бы вести учет завтелевским грехам, замышляя использовать для этой цели страницы журнала „Сев. Поч.“ и стенгазету „Наш быт“.

Только... не напрасны ли их надежды на печать? Ведь, не раз приходилось слышать от Савина:

— Ага, опять пропечатали... а я все-таки буду делать по своему!

И администрация такое положение находит нормальным.

Да, запоздал гр. Савин своим появлением на свет. Родись он лет на 50 раньше, из него вышел бы образцовый смотритель бурсы.

Завконту следовало бы обратить внимание на „труды“ своего ближайшего помощника и дать ему более серьезное и полезное для дела занятие, а то между работниками телеграфа уже возникает мысль о коллективном заявлении—просить о замене гр. Савина.

Не телеграфный.

Задал жару.

Учмех 14 участка гр. Игнатьев, проходя по ремонту, заглянул в Мезенскую райконтору и всем работникам задал такого жару, что господа упаси!

— Кто,—говорит,—смел написать, такие сякие, в „Северную Почту“, что учмеху Игнатьеву не следует выдавать компенсацию за неиспользованный отпуск?!

— А в каком это номере напечатано было? — спрашивают учмеха.

— А в первом номере... за 24 год... ответ был в почтовом ящике—Мезень, Почтовику... Какой такой Почтовик у вас выискался?.. скажите на милость... даже фамилию свою не посмел огласить... Уж только узнаю кто—возмещу! Я, брат, такой человек, что жизни своей не пожалею—хоть голова с плеч.

Уж не думает ли грозный учмех последовать примеру тех бандитов, которые преследуют селькоров обрезками и прочими „орудиями производства“?

Свидетель.

Премудрость Соломонова.

До чего иногда доходит человеческая мудрость — уму непостижимо. Как, например, проверить работу ремонтников на линии?

До этого своим умом дошел Уокр Северный.

Отдал распоряжение — представить с линии ремонтникам все старые скрутки и спайки... уж тут, дескать, работа будет налицо...

И пошли писать четыре губернии да пятая область — по всей проволочной сети Округа... Скрутки и спайки берегли, как зеницу ока.

— Ты куда это, чорт, бросил старую то спайку?! — кричит механик ремонтнику.

— Да вот, тут куда-то сунул.. в траву, видно, упала.

— Сколько раз говорил: как вырежешь, — сейчас же в карман... а то ищи-свищи потом спайки в старой негодной проволоке в N - ском отделении.

— Да я и так все карманы прирвал, — оправдывается ремонтник, — и куда с этими спайками? Ши что ли из них будут варить в Округе?

Кончили ремонт. Отчет составили.

— Ну, сколько же всего вырезано спаек и скруток? спрашивает механик.

— Семнадцать спаек и семьдесят три скрутки!

— Смотри, считай хорошенько... чтобы с ведомостью сошлось у меня...

Идет подсчет, проверка... Подогнали, можно сказать, из тютельки в тютельку.

— Ну, давай теперь ящик, гвозди, сопроводительный адрес на посылку... ну, живо! марш на почту!

Вздохнули с облегчением, как сдали посылку.

А иные и по иному делают.

Соберут всю эту негодную дрянь — и везут до предприятия, где имеется книга казенных материалов...

Напишут там сдаточную ведомость и по ней сдают для записи на приход.

И записывали.

Неизвестно только — к какой категории относили „имущество“ по инвентаризации, но хранят исправно.

Исправно хранят и в Округе.

Впрочем, говорят, что только до весны. Как вскрыется река Вологда, — думают потопить „имущество“.

Мы бы не советовали и весны ждать: ведь, в прорубь спустить можно.

N.

Ни отдыха, ни срока.

У нас, в Нижмозере, был перенесен день отдыха с воскресенья на понедельник.

Запротестовала Архангельская райконтора — нельзя, говорит, закрывать телеграфное действие в понедельник... донесем о вашем своеволии в Уокр.

И, повидимому, донесли, ибо получаем из райконторы телеграмму такого содержания:

„По разъяснению Уокр, изменение телеграфного действия и перенесение праздничной работы с воскресенья на понедельник находим не целесо-

образным. Действие телеграфа, до особого распоряжения, должно быть прежним“.

В результате—отработал воскресенье на почтовых операциях, так отдыхай в понедельник за аппаратом...

Мы, сельчане,—люди „не праздничные“: идем навстречу крестьянам в любое время, а потому не следует лишать нас дня отдыха.

Н. Михеев.

Не почтовая кляча.

15-го февраля с. г. в гор. Каргополе были устроены конные бега на приз. В состязаниях принимали участие не только лошади отдельных граждан, но и казенные, принадлежащие учреждениям.

Казенная почтовая станция тоже выступила в состязании—был пущен жеребец Быстрый, 4¹/₂ лет, выдержавший красиво (без сбоев) дистанцию в одну версту в 2 мин. 42 сек.

Несмотря на то, что Быстрый едва успел пройти с почтой шестидесятиверстный перегон, он получил приз.

Уземуправлением подготавливается состязание на возку тяжестей. Вероятно, и здесь наша станция не будет последней.

Здоровому содержанию станции и хорошему уходу за лошадьми станция обязана нашему завконту.

К.

Начальство больше знает.

Эта фраза имеет широкое применение в повседневной работе почтового отделения Уокра.

Зачастую случается, что тот или другой сотрудник указывает заведущему и его делопроизводителю на неправильное разрешение того или иного вопроса, высказывает свои соображения по этому поводу и что вы думаете?

Получаете ответ, буквально, такого содержания: „не мое дело, так начальство велит, оно больше знает“...

Слыша постоянно такие „мудрые ответы“, приходится предполагать, что у наших завоов нет своих мнений и своей инициативы: работают—как начальство скажет, убивая инициативу у нижестоящих товарищей.

Надо чутко прислушиваться к голосу низов, ибо только общими усилиями мы сумеем добиться улучшения в работе.

(Из стенгазеты „Красная Связь“, г. Вологда, № 3).

М.

В Красном Уголке.

(С н а т у р ы).

— Э, не туда, чорт! Вправо тебе говорят, вправо!

— И совсем не вправо, влево надо было!

— А-а-а, здорово! Поддай, Петька, поддай! Вот так! Еще, еще раз поддай—так его и надо!

— Попался! Лови его тут, лови! Руби, да влево руби!.. Эх, разиня, выпустил, а еще—чемпион!.. Ну, какой ты к чорту чемпион! Тебе не...

— Убирайся в угол, разиня!
— Дай ему, дай!
— Спасайся в угол, пока не поздно! Тебе говорят—в угол, маз...
— Жми его тут, жми!... А-а-а... Решительный момент. Гляди в оба.
— Ну, пиши пропало—попал!
— Выкрутится.
— Некуда там, ему еще надо корчагу щей с'есть.
— Запер!
— Ура-а-а!
— Чемпиона запер!—и уголок оглашается неистовым криком и рукоплесканиями...

.....
Читатель, не подумайте, что это—борьба. Это у нас, в Красном Уголке, в шашки так играют.

Око.

(Из стенгазеты „Наша Жизнь“ Уржумской организации).

„Землячество“.

В решении задачи о смычке мы упускаем из виду один из важных подходов. Это,—землячество.

Кто же знает деревню и все ее способности, как не тот, кто из нее вышел, для кого она еще недавно была колыбелью.

И таких то выходцев крестьянского происхождения (в настоящее время жителей города) хотя бы в нашем союзе—процент большой.

У одного—мать, отец, у другого—брат, дядя, или просто сват, у третьего—знакомые крестьяне, с которыми кое-какая связь имеется.

Но и греха таить нечего... Зачастую эти недавние жители деревни, окупившись в городскую жизнь, избегают своих земляков, стыдятся их некультурности, грязной одежды, растрепанных лаптей, да мало ли еще чего...

Да. Это так.

Но—кажется—пора бы этому ледку и растаять. Ветерок подул другой... свежий, оздоравливающий, пролетарский. Чудачества эти пора бросить. Не бежать от мужика, а идти к нему надо, полюбить его.

Зная быт деревни, психологию ее жителей—наших земляков, здесь то и надо заложить главный фундамент смычки. Внимательность и отзывчивость на все мелочи крестьянской жизни должны лечь в основу смычки.

(Из стенгазеты „Наша жизнь“ Уржумской организации).

Мальцев.

Из писем корреспондентов.

От тов. Н. В., из Карпогор, Архангельской губ., получено в редакции очень пространное письмо, видимо, беспристрастно рисуящее жизнь сельского потельотделения, обиженного штатом, но работающего не покладая рук, не считаясь с нормами рабочего дня. Выдержки из этого письма—самое существенное—приводим ниже.

„Предприятие обслуживается тремя работниками — завпред, надсмотрщик и сторож, обнима район с десятилетиячным населением. В районе имеется еще 4 вспомогательных пункта при сельских исполкомах с приемом и выдачей простой и заказной корреспонденции.

С апреля месяца 1924 г. по 18 января с. г. принято подписок на периодические издания (исключительно через Агентство „Связь“) — 469. Массовое увлечение крестьянства газетами — налицо. Газету ждут, обыкновенно, с нетерпением.

Сделано начало и в области книжной торговли — продано книг 167 экз. на 89 руб. 53 коп.

Сберкасса работает пока слабо: поступил лишь один вклад на 30 руб. Большинство старых клиентов заинтересовано своими прежними (дореволюционными) вкладами.

При таком большом районе, с четырьмя вспомогательными пунктами, предприятие перегружено работой. На просьбы об увеличении штата Уокр не отзывается.

Село Карпогоры, растянувшееся на 2 версты, насчитывает до 20 разных учреждений и предприятий. Сторож-женщина (малограмотная), уходя в разноску с тремя сотнями и более газет и сотнями писем, возвращается в отделение после полудня. Поступающие в это время телеграммы замедляются. В других работах, кроме разноски, на помощь малограмотного сторожа рассчитывать не приходится. Идет, например, разборка почты, третит очтачно аппарат, у барьера — очередь.. И не знаешь — за что взяться... Ведь, не вся та работа продлевается штатом, что включается в статистику и далеко неравномерно падает нагрузка на каждого человека, как, например, на малограмотного сторожа, который, благодаря этому, стоит сплошь и рядом сложа руки... А тут — и продажа гербовых марок, и обработка корреспонденции с вспомогательными пунктами, и прием подписок на газеты, и разъяснение неграмотным клиентам... Много работы не учитывается ни кем и ни чем... С открытием навигации работы еще прибудет. Не поможет здесь и замена сторожа грамотным лицом — необходимо добавить четвертого квалифицированного работника, как это было до сентября 1924 г.

В рамки рабочего дня работа никак не укладывается. Многие второстепенные откладываются... В прошлом 24 году завпреду не удалось даже использовать двухнедельный отпуск, а, между тем, — предприятие безубыточное: расход поглощает лишь от 30 до 60% дохода“.

При таком положении дела, Уокру следовало бы пойти навстречу в отношении увеличения штата, тем более, что работники, перегруженные работой, как видно, между прочим, из письма, не забывают и общественную работу и достигли очень хороших результатов в распространении газеты в деревне.

Другое письмо из Моржегор, Архангельской губ., от тов. К. Ш — ва характеризует бездеятельность контрагентства „Книга—Связь“, на которое возлагались такие большие надежды, пока еще неоправданные.

„Получивши предложение контрагентства, — читаем в письме, — и учитывая всю серьезность возлагаемого на нас дела, побегая я к секретарю Волкома РКП. Пригласили Предместкома Рабпроса. Обсудили. Составили список. Я подписал обязательство и, вместе со списком, отправил по назначению. Вечером на собрании в избечитальне я поделился со всеми радостною вестью, что при отделении скоро будет книжный киоск...

Ждем месяц — ничего. Еще неделя... полмесяца — терпение начинает истощаться. Учитель агитировал перед родителями на покупку учебников. А последних нет и нет...

Даем телеграмму...

И только лишь на пятый день ответ:

„Ваших нет, шите задаток, иначе — не пошлем“. Так, товарищи, работать негодится, — заканчивает свое письмо автор, — надо ближе подходить к деревне и не вводить в заблуждение темное крестьянство“.

Нам остается только присоединиться к этому справедливому заключению автора и пожалеть, что „Книга—Связь“ так невнимательно относится к разрешению поставленных перед собою задач.

Работа по подписке на периодические издания на местах, как это видно из нижеприведенного письма тов. И. Миронова, из Черевкова, С.-Двинск. губ., налаживается.

„В 1924 г. по Черевковскому п.-т. отделению было принято на разные издания и сроки 235 подписок на 403 экземпляра на сумму 807 р. 80 к., при чем около 150 подписок, по сроку подписки, перешли на текущий год.

В январе этого года принято 68 подписок на 223 р. 84 к., из них около половины от крестьян.

Все это говорит за то, что Агентство „Связь“ начинает пользоваться доверием.

Но есть и плохие стороны, которые мешают полностью оправдать это доверие. Во-первых — несвоевременное исполнение требований некоторыми редакциями, во-вторых — все еще невнимательное отношение Центрального Агентства на запросы мест.

Будем надеяться, что все эти недочеты изживутся при нашем настойчивом требовании, как в отношении редакций, так и самого Агентства.

Наша постоянная задача — как можно больше приложить стараний по продвижению газеты в самые захолустные деревушки и этим самым доказать наше горячее участие в борьбе с темнотою“.

По этому же вопросу пишет и тов. Д. Д. из Устьпаденъги, Архангельской губ.

„В течение февраля месяца с.г. завербовано 37 подписчиков на газеты, преимущественно на „Крестьянскую газету“, на которую насчитывается 30 крестьян от сохи. В предыдущем январе месяце было 23. По вербовке этих подписчиков проведена кампания местными комсомольцами, но большая половина подписчиков завлечена лично работниками отделения, которые, соприкасаясь в своей работе с крестьянской массой, не забывали напомнить мужику о выписке газеты. Положительный результат мы имеем на самой дешевой „Крестьянской газете“. Цифра 53 не является фактической цифрой всех подписчиков, получающих газеты через отделение; на самом деле их идет в три раза больше, т. к. подписки производились и непосредственно через редакции рабочими с заводов. Подписки сделаны, в большинстве своем, от одного до трех месяцев. Но на этом сроке подписки крестьяне, конечно, не остановятся: трудно было втянуть крестьянина, а дальше его заинтересует сама газета, которая является его верным другом“.

Но не везде подписка на газеты идет так успешно. Тов. А. Красиков из Вознесенья-Вохмы, С.-Двинской губ., жалуясь на плохое распространение газет по своему району, высказывает по этому поводу следующие свои соображения:

„Из бесед с агентом „передвижки“ Вознесенско-Вохомского района выяснилось, что крестьянство на выписку газет идет очень туго. Причин к этому много. С одной стороны. крестьянин думает, что газета ему ничего не даст. С другой — якобы недостаток времени для чтения. И с третьей — и пожалуй самое главное — безденежье мужика.

В этом отношении нам необходимо найти другой подход к втягиванию крестьян на выписку газет. Наилучшим способом, по моему мнению, будет розничная продажа газет. Склонить мужика купить газету, стоящую всего несколько копеек, гораздо легче. Тут же при продаже можно ему растолковать кое-что об этой газете, даже прочесть на выдержку одну-две статьи, особенно интересных для крестьян. Таким образом, крестьянин до некоторой степени уже будет заинтересован и, прочитав две-три газеты, он скорее решится ее выписать“.

Розничная продажа периодических изданий при „передвижках“ — наилучший способ втягивания крестьян на подписку. Необходимо это положение обдумать и позаботиться о высылке газет в сельские предприятия для розничной продажи“.

Мы думаем — не мешало бы испробовать предложение т. Красикова.

Мы же затрагивали на страницах „Сев. Поч.“ вопрос о нецелесообразности индивидуального вознаграждения за производство операций по Сберегательной кассе.

Вопрос этот снова затрагивает в письме своем тов. Анциферов из Советска, Вятской губ.

„За производство операций по сберкассе сотрудники получают вознаграждение в размере 80% от одногопроцентного отчисления с поступающих вкладов. Распределяются они исключительно среди работников, ведущих работу по сберкассе.

Такой порядок выдачи вознаграждения НКПиТ объясняет тем, чтобы заинтересовать работников и этим усилить работу сберкассе.

Невольно напрашивается вопрос: не будет ли развиваться антагонизм среди работников, благодаря введению указанного порядка выдачи вознаграждения? А приходится наблюдать, что это, действительно, так.

Принимая в соображение указанный антагонизм, необходимо упразднить подобное вознаграждение, передавая его целиком в доход НКПиТ, включив работу по кассе в обычную черму выработки“.

Подобная точка зрения уже высказывалась на страницах „Сев. Поч.“. Затронутый вопрос необходимо проработать всем производственным комиссиям и, в зависимости от результатов, можно тогда уже сказать более определенное слово.

Тов. Зыков из Черевкова, С.-Двинской губ., пишет по поводу нерационального использования у них телефонной сети:

„По Двинскому тракту, от Котласа до Пучуги, с осени прошлого года установлена телефонная связь по бездействовавшему до тех пор 3742 пр. Это мероприятие быстро завоевало симпатии со стороны, как общественно-торговых предприятий, так и частных лиц, принося ведомству доход. Плата взималась только за разговоры, а вызовы производились бесплатно, что, до некоторой степени, удешевляло сношения по телефону против телеграфа.

Но вот, по донесению одного зава, Округу стало известно об этом упущении. Скоро в предприятиях получился циркуляр, предлагающий вызовы для переговоров производить тарифными телеграммами за счет вызывающих. При таких условиях вызывную депешу дешевле полтинника не составишь, да плюс — сравнительно высокая разговорная плата.

Вышло то, что желающих „разговаривать“ стало немного. И, чего доброго, совсем не будет. В книгах частенько уже не видим телефонного заработка.

Почему это так? — думает потельработник, — ведь, наша задача — как можно больше привлечь клиентов, увеличить производительность и доходность, а выходит — наоборот. Мы отталкиваем.

Не мешало бы учесть Окру, что телефонная сеть по Двине только еще начинает прививаться и применение формальностей здесь отзывается в ущерб производству“.

Формальности формальностями, но если формальности приносят прямой убыток ведомству, то мы думаем — можно и поступиться этими формальностями.

Религиозные предрассудки изживаются понемногу и в сельских местностях. Новый быт, отвергая поповские крестины и прочие церковные обрядности, внедряется и в нашей деревне. В нижеприведенном письме сообщается о проведении октябрин новорожденных детей члена нашего союза и одного местного крестьянина.

„В селе Черевкове 10-го февраля клуб имени Профинтерна полон народу. Бородатые мужички толпятся в зале в ожидании невиданной диковинки.

Вскоре на сцене появляются виновники торжества, вместе с родителями. Первый — новорожденный сын члена нашего Союза почтальона Петрова, а второй — сын местного крестьянина-бородача.

Торжество открылось выступлением с приветствиями представителей Райкома РКП, РАКСМ, Женотдела, пионеров и Профсоюзоз.

Выступавшим пионером преподнесены новорожденным галетуки и пионерские значки, а от представителя Профсоюзоз — скромные подарки. В заключение всего были заслушаны ответные речи родителей, из которых видно было, что они порвали со старым бытом и церковными бреднями“.

Маленький эпизод.

(Из дней минувших).

Забастовочной волной 1905 года, как член забастовочного комитета, я был выброшен за борт из почтово-телеграфной семьи.

Целая „чортова дюжина“—тринадцать человек—было уволено из Ярославской конторы, без права поступления на государственную службу.

Хоть и горько было сознавать печальные результаты нашей забастовки и неудавшейся русской революции, закончившейся рядом погромов по всей России, но пролетариат на опыте убедился в своей силе. Будущее рисовало скорый и неизбежный конец царского самодержавия.

Лично за себя я не был опечален. Приниженная служба почтово-телеграфного чиновника меня не особенно прельщала. За пять лет я уже достаточно истрепал свои нервы, переводимый „для пользы службы“ до пяти раз.

Я даже был обрадован увольнением: не хватило бы смелости уйти самому, а тут—волей-неволей приходилось строить новую, быть может, более лучшую, личную жизнь.

К тому же—за плечами было лишь двадцать один год. Казалось все возможным и осуществимым—я мечтал тогда об аттестате зрелости, университете. Стоит только приналечь, думал я,—и дело будет в шляпе.

Распродав кой-какие пожитки, получив от существовавшего еще забастовочного комитета десять рублей „подъемных“ (жалованья за дни забастовки уволенным не выдали) я, с легким сердцем, в январе месяце 1906 года, двинулся на родину, в отчий дом—в г. Вельск, Вологодской губернии.

Как снег на голову, явился я домой „свободным гражданином“, на иждивение своих стариков, которые жили тогда исключительно мизерными доходами со своего дома, получая что-то около пятнадцати рублей в месяц за две квартиры.

Надеясь найти какую-либо службу, я, однако, не унывал, а в ожидании работы не нашел ничего лучшего, как заделаться корреспондентом издававшейся тогда в Вологде газеты „Северная Земля“, а после закрытия последней—газеты „Север“.

Город Вельск, в то время, был переполнен политическими ссыльными. Недовольство крестьян в некоторых волостях Вельского уезда, на почве недостатка лесных наделов, разразилось как-то чуть ли не

бунтом. Толпы крестьян из Кулойско-Покровской волости явились однажды в город, с кольями и дрекольями, угрожая разгромом Вельскому Удельному Округу.

Материала для корреспонденций был непечатый угол.

И я начал усердно писать. В корреспонденциях фигурировали и исправник со своим помощником и полицейский надзиратель, и начальник тюрьмы, и чиновники удельного ведомства, и земские начальники, и попы... Словом, вся местная „знать“, так или иначе проявлявшая свою власть.

Хоть я и писал свои корреспонденции, часто меняя псевдонимы, но трудно скрыться корреспонденту в уездном городишке. Скоро, конечно, узнали—кто является автором этих корреспонденций. И, само собой разумеется, что хорошей славой я в Вельске не пользовался.

Корреспонденции сослужили для меня плохую службу. В течение восьми месяцев я не мог найти в Вельске никакой работы. Но один из моих приятелей—мой школьный товарищ, служивший делопроизводителем казенного лесотехнического завода (выработка скипидара, канифоли, смолы и т. п.), взятый на военную службу, устроил меня на свое место, на 20 рублей жалованья, по вольному найму.

Такая „карьера“, после безработицы, казалась мне верхом человеческого благополучия.

Прослужив на заводе года полтора, мне омерзели, наконец, постоянные выслеживания вельской полиции. А тут, вскоре, брат одного вельского сыщика, в один прекрасный день, сообщил мне по секрету, по личному ко мне расположению, что на следующий день предполагается произвести у меня обыск.

„Уйди от зла и сотвори благо“—сказал я себе.

В тот же день, вечером, осенью 1908 года, на паре земских лошадей, имея скопленных от службы 50 рублей в кармане, я покатила на станцию Коноша, держа свой путь на Вологду.

И вот, опять я оказался „свободным гражданином“, без определенных занятий.

Былая радость увольнения из потельведомства теперь сменилась желанием—вновь поступить туда.

Решил заглянуть в Ярославль—на старое пепелище.

Случайно пришлось увидеть там ревизирующего помнаокра Ефимова, который в былое время, производил расследование о забастовке в Ярославле.

Он мне не подал никаких надежд, но все же порекомендовал прокатиться в Нижний—к начальнику Округа.

Еду туда.

Начальник Округа Панафутин встретил меня весьма любезно, но... и только!

Поступление на службу в потельведомство он нашел совершенно невозможным.

А если я поеду в Питер—буду ходатайствовать в Главном Управлении?—спросил я.

—Если у вас много денег,—утешил меня начальник Округа,—то поезжайте.

Такой ответ не предвещал ничего хорошего. Все же я решил ехать в Питер—не в Главное Управление (я на него не рассчитывал), а к сестре своей, которая служила в Дворянском Земельном Банке.

Поехал на авось. Надо же было найти какую-либо работу. Целых два месяца шатался я в Питере. Работы никакой не нашел. Капиталы мои давно уже растаяли. Пришлось заимствоваться у сестры, приютившись у ней же в комнате.

Целыми днями слонялся я по музеям, библиотекам или бродил бесцельно по улицам шумной столицы.

О Главном Управлении даже и не вспоминал сосем, не имея никакой надежды поступить в потельведомство.

Однажды, проходя случайно по Почтамтской улице, я увидел вывеску: „Главное Управление Почт и Телеграфов“.

Тут же решил—позондировать почву.

Но в таком костюме, в каком я был одет—в русских сапогах, в косоворотке, с летним пальтишком на плечах—не нашел удобным зайти к начальству.

На другой день отправился я к своему школьному товарищу К-ву, с которым сидели когда-то за одной партой. Теперь он служил в Управлении Виндаво-Рыбинской железной дороги.

Он одел меня в свой сюртук, ботинки. Пришлось нацепить даже манишку с галстуком. И я пошел в таком виде с „визитом“ по начальству.

Самый дом, где помещалось Главное Управление—„святая святых“ потельведомства—не представлял собою ничего величественного.

Едва я раскрыл дверь, как предо мною предстал весьма солидный усатый швейцар, с целым „иконостасом“ медалей на груди.

— Куда пройти к начальнику Главного Управления?—спросил я.

— Швейцар, не удостоив меня ответом, глубокомысленно ткнул пальцем вверх.

— Что же сие означает?—спрашиваю, сердито, швейцара.—Наверх что ли пройти?

— Да,—нехотя ответил швейцар.

— Да чего вы дакаете?—начинаю сердиться невозмутимым величием швейцара.—Раздеться что ли надо?

— Да,—с прежним спокойствием отвечает швейцар.

„Скотина!—выругался мысленно я, наскоро стягивая с плеч свое легкое пальтишко, которое швейцар небрежно водрузил на вешалку.

Поднявшись по лестнице, сразу же увидел на дверях надпись: „Кабинет Начальника Главного Управления“.

У дверей кабинета—курьер. Хоть и не такой внушительной внешности, как швейцар, но с не менее внушительным „иконостасом“ на груди.

— Могу я видеть начальника Главного Управления?

— Начальника Главного Управления?—удивленно переспрашивает меня курьер.

— Да. Начальника Главного Управления,—подтверждаю я.

— А вам зачем?

— А вам какое дело?

— Может быть, насчет вакансии?—любопытствует психолог-курьер.

— Может быть,—отвечаю я,—но это вас, кажется не касается.

Но, оказывается, это его касалось.

— Нет,—тоном, не допускающим возражения, поясняет курьер,—начальника Главного Управления вы видеть не можете... Могу доложить секретарю.

— Ну, докладывайте секретарю,—сердито буркнул я.

Через несколько минут курьер подвел ко мне секретаря—маленького пухленького старичка, в штатском.

— Чем могу служить?—обращается секретарь.

Так и так—рекомендуюсь ему—бывший такой-то, уволенный за участие в забастовке... приехал в Питер—просить лично начальника Главного Управления о назначении на службу.

— Ай-ай-ай,—с сожалением покачивает головою секретарь,—напрасно вы, молодой человек, ехали в Питер... по этим делам начальник Главного Управления не принимает... в Округ надо обращаться.

— Однако, утешили,—отвечаю секретарю,—был я в Округе, да никакого толку... а вы говорите напрасно в Питер приехал... Последние гроши на дорогу израсходовал, все надежды возлагал на Главное Управление, а мне говорят: „начальник Главного Управления не принимает“...

Секретарь, покачивая головой, с укоризненной улыбкой поглядел на меня, удивляясь, видимо, таким дерзким словам забастовщика.

— А скажите,—спрашивает секретарь,—какая ваша вина в этой самой забастовке? В чем она заключается?

Вишь, ты, ласковый какой,—подумал я,—так я и стал тебе исповедываться.

— Да право не знаю,—неопределенно так говорю ему—никакой особой вины за собою не знаю—бастовал, как и все другие забастовщики... Вся контора бастовала в Ярославле:

— Ну, хорошо,—сказал секретарь,—вы посидите пока тут, а я наведу о вас справочку.

Через полчаса подходит ко мне, с толстым таким делом под мышкою.

— Ай-ай-ай,—опять качает головою секретарь,—и не совестно вам врать, молодой человек? Вы знаете, что здесь про вас написано?—указывает он на дело.

— Да откуда же мне знать?—удивляюсь я.—Ведь дело у вас, а я его не читал... а написать, конечно, можно все, что угодно.

— Знаете что, молодой человек,—стараясь быть суровым, говорит добродушный, видимо, секретарь,—я все-таки доложу об вас начальнику Главного Управления, но предупреждаю вас,—если и с ним вы будете разговаривать так же, как и со мной говорите,—ваше дело пропало... Так нельзя, молодой человек... вы кайтесь, молитесь, просите... тогда, может быть, что-нибудь и выйдет...

И, повернувшись ко мне спиной, секретарь направился к кабинету начальника Главного Управления.

„Ну, уж это вы напрасно, милый человек... этот номер не пройдет“,—размышлял я, оставшись один.

Минут через двадцать секретарь снова стоял предо мной.

— Ну, молодой человек, начальник Главного Управления согласился вас принять, но... помните что я вам сказал... посидите пока тут—вас позовут.

Я, раскланявшись, поблагодарил секретаря.

Через несколько минут курьер, открывая дверь, пригласил меня в кабинет его превосходительства.

Едва я перешагнул порог кабинета, как сидящий на другом конце, за письменным столом, высокий, черствый на вид старик, в черном сюртуке, с звездой на груди, с мешками под глазами, поспешно поднялся на ноги... Упираясь левой рукой на спинку кресла, правую—быстро засунул он в карман своих брюк.

Это был Севастьянов, которого я видел первый раз.

Мне показалось, что правая рука его превосходительства нащупывает ручку револьвера. Очевидно, опасаясь безработного забастовщика, его превосходительство решил быть предусмотрительным.

Такой прием меня совершенно связал.

Вместо того, чтобы подойти поближе к столу, я остановился около дверей.

Мысль, что перед тобою стоит человек, ожидающий от тебя нападения, ставила меня в довольно щекотливое положение.

— Что вам угодно?—сухо и надменно обратился ко мне Севастьянов.

Так и так, скороговоркой проговорил я, такой то и такой то... прошу о назначении на службу...

— Я ничего не могу для вас сделать,—как топором отрубил Севастьянов.

Вот тут то, по рецепту секретаря, и следовало разыграть роль раскаявшегося грешника.

Раздраженный надменным видом Севастьянова, я уже начинал приходить в нервное состояние.

— Но я вас прошу, ваше превосходительство,—сдерживаясь, говорю ему.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство,—вдруг вскрикивает генерал,—давно ли вы кричали: „долой Севастьянова; не надо Севастьянова“! а теперь: „ваше превосходительство, ваше превосходительство“...

— Но, помилуйте, ваше превосходительство, что же мне делать? С голоду поколевать прикажете?

— Как вы сказали?!—закричал его превосходительство.—Поколевать с голоду?! Вы—агитатор, мятежник, забастовщик, бунтовщик—и я должен вам сочувствовать?! Зачем вы ехали сюда?! Вы вообразили—чем выше пойдете, тем большего добьетесь... Идите к министру—министр вам то же скажет...

Против такого веского аргумента я не нашел ничего возразить.

„Аудиенцию“ я считал оконченной.

Кивнув слегка головою, сдерживаясь от излишних и ненужных пререканий, я схватился за ручку двери и в одну минуту был у вешалки, у своего пальто.

С тех пор я уже не обращался больше с просьбами о поступлении на службу в потельведомство.

И лишь в 1918 году, после Октябрьской революции, я вновь попал в ряды потельработников.

К. Кашин.

Мировая Весна.

Стоном боли заплакали льдины—
Это ты ли, морозный февраль?!
Не прильнет белокрылый иней
К твоим сучьям, холодный бульвар.
Не промчатся мятели над городом,
Синим вихрем взметая свой лет—
Оттого что бесстрашно и молодо
Нас Весна Мировая зовет.
Раня руки о глыбы туманов,
Обжигая их пламенем зорь,
Она солнце несет через страны,
К нам, на Север, где снежная боль.
Дрогнул лед и разбился в осколки
Древний деспот—угрюмый мороз—
Ледяные бураны умолкли,
Уронив только несколько слез.
Только несколько жалких рыданий...
Снегом тает былинная грусть.
Не заплачут полозьями сани—
Зори маками выжгли весь путь.
Брызнув зноем на Белое море,
Пробиваясь сквозь тучи, сквозь лед,—
Опаленная солнцем и зорями,
К нам Весна Мировая идет.

Александра Мушеникова.

Комсомольское.

Ветер смёл с родной избы солому,
На гумне забытый щеп лежит,
И уж знаю—больше не золотит
Мою спину зноем у межи.
Знать, отец взростил не домовитым,—
Не пришил к сохе моей руки:
Я ушел на невыезские граниты,
Полюбил я светлоокий КИМ.
И живу—ни гроша за душою.
КИМ—и дом, и сердце, и семья.
Что мне, что в перчатке надушонной!
Коль картуз мне мил, хоть и помят.
Все богатство—пара книг на полке,
Да над койкой—рамка с Ильичем,—
За подарок друга-комсомолки
Не возьму полмира нипочем,
За подарок в Первомайский праздник—
На тушурку розовый значек...
Не она-ль бессонницею дразнит?
Не от ней ли в сердце горячо?
Не ее ль вчера, в дубленой шубке,
У райкома встретил невнарок...
Ой, вы спелые рябиновые губки!
Ой, горошек спелый говорок!
Говорил о Мопре, о крестьянах,
А любви, казалось, не избыть...
Если ветер смёл с избы солому,—
Значит,—надо, значит,—так тому и быть.

Н. П.

Фельетон.

Головокружительные цифры.

Как возьмешь, к примеру, ведомость по учету и оценке хозяйственного имущества в Ухтымском почтовом отделении, Вятской губ., так небо с овчинку покажется... такая там дороговизна невероятная.

Хоть по ведомости мы и не знаем цен на мясо, хлеб, молоко и т. п. (ведомость—инвентарная), но по инвентарю можно судить и о продуктах...

Сколько, думаете, стоит в Ухтымском страховая печать?

Не пугайтесь только... 540 червонных рубликов!

По ценам довоенного времени она показана только 2 руб. 16 коп... следовательно, стоимость увеличилась в 250 раз!

А канцелярский стол?

400 рублей!.. Стоимость против довоенного увеличилась в 40 раз!

А деревянный табурет?

50 рублей!.. стоимость увеличилась в 50 раз!

А шкаф „дубового цвета“ (?)

420 рублей!.. (особенный, видно, какой-то цвет) подорожал, оказывается, немного: всего лишь в 12 раз... Надо полагать,—предмет роскоши.

А брезентовый холщевый мешок за № 2088?

192 руб. 50 коп!.. Подорожал в 35 раз!

А брезентовый мешок без номера?

Цена—та-же.

А „щеты“? (Читай: счеты).

75 рублей!.. Подорожали... довоенная цена не указана... и т. д., и т. д., и т. д.

Таким образом, оценка инвентаря почтового отделения выразилась в 7482 руб. 95 коп.

А так как иные предметы не оценены (завпред не мог определить стоимости), как, например, лампа „Молния“ с абажуром, то, чего доброго, стоимость инвентаря набежит, с округлением, до 10.000 червонных рублей!

Ведь, лампа „Молния“—не баран начинал. За тысячу, поди, не купишь (особливо, ежели иностранной марки).

Что дешево в Ухтымском, так это—часы.

Часы стенные, фабрики Воронцова, показаны лишь только 10 рублей!.. Должно быть, фабрика местная... недавно, вероятно, открылась... Вот бы вологжанам с маслом туда с'ездить... хорош бы товарообмен получился...

Если предположить, что в такой же бешеной прогрессии, как и инвентарь, подорожали в Ухтымском продукты питания, скажем в 50 раз, то во что же обойдется бедному завпреду фунт мяса?

У нас в Вологде стоит оно 15 коп... следовательно, в Ухтымском—7 руб. 50 коп!..

А как подумаешь о масле,—оно у нас восемь гривен,—так просто жуть берет... 40 целковых фунт выходит!

Невольно тут скажешь: „Сорок лет коровы нет, а маслом отрыгается“.

Чудной это какой то край—Вятская губерния... особый какой то „климат“... Еще недавно один из рабкоров из Омутной настаивал об увеличении зарплаты работникам Омутнинского района, ссылаясь на вредные климатические условия...

Живем, можно сказать, по-соседству, а вот поди-ж ты... совсем другой климат...

К. К.—н.

Православный.

В Укре имеется анкета, заполненная одним старым бывалым почтальоном, в каковой на вопрос о национальности он ответил: „православный“.

Получивши анкету для заполнения, почтальон Бубенцов крепко призадумался.

„И на кой шут,—прости, господи,—эта самая анкета понадобилась... Служили раньше,—на хорошем счету у начальства были, медаль за усердие имели—и никаких анкет не спрашивали“...

Когда Бубенцов, пристально разглядывая анкету, дошел до слова „национальность“, он совершенно встал втупик.

„Это зачем?—заворчал старик,—какое *им* дело до моей веры?... Напишешь — православный, чего доброго—в галوشу сядешь... вера в господа бога нынче совсем из моды выходит... ничего не напишешь — что же подумать могут: нехристь какая я что ли? таинство крещения получил, имя христианское имею“...

Долго сокрушался Бубенцов об оскудении веры православной. Вспомнил далекие дни своей военной службы, где певали, бывало: „наша матушка Расея всему свету голова“... А теперь—что православная, что иудейская, что магометская, что немецкая—все едино, одна нация, никакой, можно сказать, веры не осталось...

„Что же мне написать?—размышлял Бубенцов.—Ну, напишу национальность православную, а вдруг скажут: „не угодно ли вам, гр. Бубенцов, со своей национальностью выйти вон!“ Возмут да и сократят... вот, ведь, оно дело то какое выходит... и нацию, и партийность—все *им* подавай... Ежели соврать, написать—скажем—„никакой нации не имею“—тоже не дело: раз поп крестил, значит,—нация есть... метрики к делу подшиты“...

Последний аргумент показался Бубенцову самым убедительным.

„Все единым миром мазаны,—сказал в утешение Бубенцов,—и большевики, и беспартийные... младенцы разве иные без нации живут, что ныне народились, а тут, брат, как ни вертись, от нации своей не отвертись“...

Взял в руки перо, обмакнул в засиженную мухами чернильницу и в графе „национальность“ старательно вывел:

„Православный“.

„Карьерист“.

Слово „карьера“ еще не исчезло из нашего лексикона.

И не только слово, но оказывается некоторые наши работники и до сих пор „карьеру делают“.

Заслышав о предстоящем закрытии Нижозерского потельотделения, надсмотрщик этого предприятия, естественно, всполошился...

Избрав благую участь, он подал заявление в Уокр—или о перемещении его в Вологодскую потельконтору, с зачислением на рабфак, или на курсы для подготовки техников, или на ремонт линий...

Словом, просветиться парень захотел.

Заявление подал, как и полагается, через завпреда.

Но завпред—хоть и „из молодых да ранний“—сразу смекнул—где тут собака зарыта: дескать, как ты не финти, а я насквозь тебя вижу... не проведешь... Взял да и наложил на заявлении такую резолюцию:

„Заявление следует рассматривать, как предположение к сокращению. Смотри по отношению к работе, надсмотрщик стремится лишь к карьере и к наживе“.

Как же следует рассматривать подобную резолюцию?

Если слово „карьера“ отнести к недомыслию завпреда, то „стремление к наживе“—это уже область подсознательного... чтение чужих мыслей...

Парень поучиться бы хотел, поработать, а ему, с легким сердцем, говорят:

„Карьерист! Нажиться хочешь!“.

За такое „чтение мыслей“ иной добрый человек, пожалуй, и в суд потянет.

Сатира.

Знакомый тип.

Всюду там, где „донесенья“,
„Преддоженья“, „исполненья“,
Шум бумаг и перьев скрип
Вы найдете этот тип.
Череп гол, сам, точно щепка,
В мыслях—фраз казенных рой,
Сверх всего, беднягу крепко
Донимает геморрой.
Несмотря на это, с жаром,
Канцелярий верный друг—
Циркуляр за циркуляром
Он строчит в единый дух...
Лытит начальству, распекает
Подчиненных, что есть сил,
Истребляет, осушает—
Тьму бумаг, моря чернил.
Волю чувств, свободу мысли
Заменял ему формат:
Лишь бы фразы складно вышли,
Остальное—наплевать!
Только лишь одно желанье
Вечно грудь его томит:
Как бы этак за старанье
Повышенье получить...
Ему больше-б „отношений“,
„Исполнений“, „донесений“,
И... хоть хлебом не корми...
Тип не вымер в наши дни.

Н. Ромашов.

Отзывы о стенных газетах.

„Красная Связь“ — изд. ячейки РКП, ячейки РАКСМ и профсоюзов работников Связи, г. Вологда, февраль 1925 г. № 3.

Очень оригинальный по исполнению художественный заголовок и интересные карикатуры в тексте.

Номер вышел к 7-й годовщине Красной Армии. На эту тему и помещена живая, хорошо написанная, передовица „Семь лет на славном посту“.

Отдел „Около производства“ имеет ряд живых картинок, из которых следует отметить — „Начальство больше знает“, по поводу мудрых ответов завдела и прочих заводов почтового отделения Уокра, которые „реагируя“ на тот или иной неправильно разрешенный вопрос, на слова сотрудников, отзываются, обыкновенно: этой „классической“ фразой:

„Начальство больше знает“.

В Отделе „Наш Быт“ в заметке „Грибодовские типы“ фигурирует руководитель музыкального кружка при клубе связистов, пригласивший членов кружка „почитать его вставанием“ каждый раз, как он появляется на сцене. Члены кружка оказались такими „ручными“, что беспрекословно подчинялись этой муштровке.

Хорошо написана статья Петухова из поездки в деревню по проведению комсомольского рождества — о несостоявшемся диспуте между безбожниками и батюшкой. Последний, уклоняясь от диспута, аргументировал это такими словами: „Видите ли, гражданин, я долго думал и... в конце концов, убедился, что диспуты — это... богохулие“.

„Клубные картинки“, в юмористических стихах, о буфете и кружке физкультуры, написаны живо, но о результатах клубной работы мы ничего больше не видим. Только автор этих юморесок и напомнил нам о существовании клуба, в котором проводится довольно большая культурная работа. Ничего не найдем в номере и из жизни ячейки РКП и РАКСМ. Это — весьма заметные недостатки.

Если отделы „Около производства“ и „Наш быт“ сравнительно богаты по содержанию, то надо заметить, что все эти картинки и заметки — отрицательного характера, тогда как газета не должна забывать и положительных моментов нашей работы и жизни, не ограничиваясь одним „прохватыванием“.

„Наш Быт“ — стенгазета Архангельского Райрабочкома Связи. Январь, 1925 г. № 7.

Номер посвящен годовщине смерти Ленина, с наклеенной на газете открыткой — портретом Ильича. Ряд статей посвящен памяти траурных дней, как, например: „Памяти Ильича“, „Ленин и кооперация“, „Женщины помнят Ильича“, „Ленин о беспартийности“.

Статьи несколько длинноваты. Большая часть статей в первом отделе принадлежит перу одного автора Н. Ч., о чем отмечалось и раньше и что указывает на недостаток сотрудников.

Из других статей первого отдела видим: „Уроки 1905 года“, „III-й Пленум Окпирвсвязи“ и дальше — „Союзная Хроника“ и отдел „Местная жизнь“, состоящий из нескольких заметок — из повседневных мелочей жизни и быта и отдел „Юмор“, откуда в № 2 „Сев. Поч.“ перепечатана заметка „О распивочных“ (увлечение архангельцев „русской горькой“ и прочими напитками в стенах предприятий). Эта статья иллюстрирована хорошими рисунками: на одном из них изображена выпивка в машинном отделении конторы — веселая компания тянет и из стаканов, и из горлышек, а из под стола в одном месте торчит захмелевшая голова, а в другом — ноги.

В общем, — номер хорош, но внешний вид, при сочетании темно-фиолетового цвета (шрифт пишущей машины) и красного (каймы, отделяющие столбцы и заголовки статей с лозунгами) создают впечатление сухости.

„Садмодчом“ („Пробуждение“) — издание Устьсысольского Райрабочкома Связи. Декабрь 1924 г. № 4.

Этот номер скрасился значительно ярким заголовком — раннее зарево, утро, река, убегающая в даль, дорога, телеграфные столбы, радио. Рисунки к тексту также оживляют газету.

— Если они исполнены и не так мастерски, то во всяком случае — сносно. Текст, сравнительно — четкий, верстка — аккуратная.

Содержание обилием не отличается: всего 10 заметок и статей, больше половины которых все же растянуто, хотя изложение довольно грамотное.

Хорошо, что в газете отсутствуют статьи на общие политические и др. темы, весь номер посвящен местной жизни. Мы видим тут кружковую работу, и о производительности, и о квалификации труда, и несколько картинок из местной жизни, бичующих те или иные „грехи“.

Тем не менее, такой же яркостью, как заголовков, содержание не похвастается: если говорить правду, — бледновато и бедновато.

Хотелось бы увидеть от Центра Области Коми более богатое и живое содержание.

„Голос работников Связи“ — изд. Советского Райрабочкома Связи Вятской губ. Январь 1925 г. № 4.

Если бы мы не знали, что газета выходит в Советске, то местонахождение издания в газете не нашли бы: об этом умалчивается.

Номер посвящен траурным Ленинским дням. Склеен он из лоскутков красной бу-

маги, обведен по краям, неопрятно, трауром (чернилами), а в середине наклеен, выстриженный из „Сев. Почты“, портрет Ленина.

Если раньше очень четкий шрифт пишущей машины скрадывался красным цветом, то теперь менее ясный шрифт другой пишущей машины еще более скрадывается красной бумагой.

Что говорить, внешность — убогая.

Передовая статья „Ленин и крестьянство“ весьма растянута. Остальные три статьи, разных авторов, посвященные смерти и значению Ленина, совсем не озаглавлены. И, наконец, стихотворение, детски исполненное, оканчивается „прославлением“ Владимира Ильича:

„Ты умер, Ильич, но заветы твои
Храним мы, тебя прославляя“...

Ленин не нуждается в „прославлении“. „Слава“ и „прославление“, как-то не применимы к Вождю, ибо эти термины звучат в стихотворении подобно тем одам и гимнам, какие распевались раньше по адресу царей.

Вообще, этот номер достоинствами не блещет. Предыдущие номера были живее. Еще раз настоятельно рекомендуем газете сменить красный цвет бумаги на белый, о чем уже мы говорили в отношении ранее выпущенных номеров.

„Почтовик“ — изд. Малмыжского Райрабкома, Вятской губ. Январь 1925 г. № 1.

И эта стенгазетка не нашла нужным пометить свое местопребывание. Узнали по сопроводительной бумажке, а то бы пришлось искать хозяина по тем подписям авторов, какие имеются в газетке.

Газетка переписана от руки — надо сказать — довольно четко и весьма грамотно. Грамотность у нас, вообще, не в моде, а потому отметить это достоинство считаем своим долгом.

Но содержание — довольно таки жиденькое. Маленькая передовичка (это и правильно, длинных писать не следует), статья „Мопр“, „Пора начинать“ — призыв работников к общественности и самостоятельности, „Наши задачи“ — растянутая статья о вступлении в ОДВФ и Доброхим.

Дальше — сатирика „Обывательские думы“ (в стихах), написана по топорному. И лучше-бы это написать посредственной прозой, чем скверными стихами.

То же самое можно сказать, пожалуй, и про „Отдел смеха“, где имеются две юморески: „Тяжелая ноша“, „о спедежде всех сортов“, которая, видимо, продается в конторе, но покупателя не находит и „Из жизни некоторых почтовиков“, где осмеивается муж, находящийся под башмаком жены, несущий и свою службу и работу по хозяйству и кухне.

Вот и все это жиденькое содержанье. Но первый блин все-таки не вышел комом; при недостатках есть некоторые и достоин-

ства, которых в следующем № найдем, вероятно, больше.

„Октябрь“ — изд. Яранского Райрабкома, Вятской губ. Декабрь 1924 г. № 2 и январь 1925 г. № 3.

Газетка производит впечатление не то похвального листа, не то разрисованного диплома, не то жалованной грамоты. Лист чертежной бумаги обведен со всех сторон красивой виньеткой-рамкой, в середине листа опять закачена виньетка в целую страницу, в том самом стиле, в каком когда то разрисовывал свои странички дореволюционный печатный журнал „Пробуждение“, в виньетку эту вклеено стихотворение А. Борковского, хотя по содержанию и современное, а по форме — в стиле Надсона:

„Если сила твоя угасает,
Путь тяжел и тернист впереди,
Мрак и злоба тебя окружает, —
Мой друг, ты с верою иди“...

И т. д. — речь идет дальше о социализме.

По бокам этой виньетки (со стихотворением) наклеены вертикально и симметрично две статьи: „В. И. Ленин“ (биография Ильича) и „Год работы Рабкокома“, а внизу под ними, в такой же строгой симметрии, две маленьких статьи из местной жизни. В левом и правом углу нарисованы очень хорошие антирелигиозные карикатуры, одна из которых, как значится, скопирована из газеты „Безбожник“.

№ 2, по внешности и симметрии, точно такой-же, с тою только разницей, что из под наклеенных внизу двух заметок неожиданно выскочило багровое солнце. А вверх (на этот раз без виньетки) красуется два стихотворения, одно из них: „С новым Годом“, откуда и приводим первое четверостишие:

С Новым годом, пролетарий.

О прошедшем пожелать...

В прошлом — море слезных арий,

В новом — гимн труду пропеть.

В этом номере имеется одна лишь статья на общую тему „Мопр и его значение“, остальные пять статей уже из местной жизни.

Изложение и грамотность — средние. Надо видоизменить внешний вид газеты — наличие художественных сил применить именно к форме стенной газеты, с более полным освещением местной жизни.

! „Наша Жизнь“ — стенгазета работников Связи Уржумской организации, Вятской губ. Декабрь 1924 г. № 1, январь 1925 г. № 2, февраль № 3.

Красочные заголовки и четко переписанная от руки газетка, выглядит красиво. Главное, грамотность хорошая.

Изложение, порой, наивное, но некоторые вещи из местной жизни положительно хороши. Например: „Кто виноват?“ — описывается провалившаяся по своему докладу работница, не хотевшая подготовиться к этому

докладу; „В Красном Уголке“ — очень живая картинка об излишнем увлечении шашками; „Землячество“ — о тех работниках, которые выйдя из народа, из гущи крестьянства, стесняются теперь своих родичей в лаптях и портянках, совершенно забывая о смычке города с деревней.

Хорошо написана статейка „Работа передвижных почт в Уржумском уезде“ и „Примерный член союза“ — изображается свой гармонист, вяло игравший на гармонике (на детской елке); когда попросили его играть повеселей, так он „резонно“ ответил: „повеселее то четыре рубля стоит, а мне всего только два обещали“.

Если стихотворения в газетке и напоминают слишком школьничков, как, например:

„Наши женщины проснулись —
За работу хотят взяться,
На собраниях всколыхнулись,
Говорить уж не боятся“...

Помните?

„Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно“...

Но зато они подкупают своей детской откровенностью.

Есть стихотворения и сатирические (о чрезмерном увлечении шашками):

„Товарищи, оставьте-ка на время шашки —
Займитесь чемнибудь другим.
Ведь, превратитесь вы в болвашки,
За делом все сидя таким“.

Так или иначе, газетка, при своих недостатках, — живая и грамотная, — будет, конечно, жить и развиваться. Приятно отметить, что и в провинции среди наших почтовиков есть грамотные люди, которые любят живое слово, не уродуя его канцелярскими словечками.

„Красный Октябрь“ — стенгазета работников Связи Шенкурского района. Январь 1925 г. № 4.

Начинается газета, по традициям печатных органов, статьей „1925 год“, подводящей итоги прожитому 1924 году.

Слов много, а сказано мало. Например, отмечены, между прочим, следующие „факторы“: как недостаток стенгазеты — „неимение кадра профработников“, как пожелание — „изучение продвижения в России и за границей“.

Как и в прежних номерах, грамотность вопиет к грамматике. „Неимением“ грамотности сразу же ошарашивает эта передовица. Касательно „изучения продвижения в России и за границей“ можно подумать, что шенкурцы получают для этой цели заграничную командировку и по территории СССР.

В следующей статье с очень громким заглавием „Углубление связи“ (речь, оказывается, идет о связи работников района со своей стенной газетой) мы никак не можем удержаться, чтобы не процитировать несколько слов из этой статейки:

„Остановившаяся на существующих не нормальностях (орфографию сохраняем) мы должны определенно сказать, что ошибки прошлого (в издании стенгазеты) были необходимы“...

Вот чудaki! Почему необходимы?

В заключение автор статьи глубокомысленно изрекает: „Мы надеемся, что маленькая тревога предупредит сильный удар нашему творчеству“ (указывается на поддержку стенгазеты рабкорами).

Это, конечно, очень важно, но, по нашему мнению, прежде всего, следует „углубить“ грамоту.

Маленькая заметка: „В темный уголок надо свет“ (о том, что в квартире сторожа висит икона, а раз квартира казенная, то автор предлагает, „предусмотрительно“, снять эту икону) — вызвала ответную статью, около сорока строк убористого шрифта, осуждая недопустимость подобных „мероприятий“.

Не ограничиваясь этим, редакция еще делает постскрипtum: „Желательно коллективное обсуждение по антирелигиозным выступлениям. Интересны мнения и выводы сельских связистов“.

Эк, ведь, раздули кадилло! И все только из за того, что в квартире сторожа икона висит!

Заметку „Культурные деятели“ мы перепечатали в № 2 „Северной Почты“, а потому о ней умалчиваем.

Статьйка „Наше санкционирование“, о невыплате маршрута одному работнику, что вызвало многословную телеграмму завконкта, за каковую и предложено Уокром внести тарифную плату.

И совершенно правильно.

Но автор делает выпад по адресу Окправсвязи, которое санкционировало это постановление Уокра.

И это совершенно правильно: не следует загромождать провода в том случае, когда можно снести почтой.

Свое „остроумное“ умоzakлючение по этому вопросу автор выражает в следующих строках:

„Мы согласны внести тарифную плату за товарища завконкта, если Окправление внесет такую же из средств своего кармана за многословную свою телеграмму о подписке на союзные журналы“.

Однако, сравнили: интересы одного лица (о неоплаченном маршруте) и интересы подписчиков союзных журналов целого Округа.

Мы уже умалчиваем о безграмотности этой статьи, ибо весь номер в отношении грамотности „выдержан“ до конца. Итак, главный недостаток газеты — пустословие, многословие и малограмотность, то же самое, чем отличаются и предыдущие номера.

„На Светлой Дороге“ — ежемесячная стенгазета работников Емецкого района, Архангельской губ., январь 1925 г. № 9.

Номер выпущен к годовщине смерти Ленина. Статьей на эту тему и начинается. Пе-

репечатанная на плохой машинке, газета имеет вид неказистый, шрифт неразборчивый.

Следующая статья „Наша газета начинает хромать“ не совсем правильно озаглавлена: лишь № 1 газеты подавал некоторые надежды, а в дальнейшем, и по сие время, „хромота“ всё усиливается.

Причину „хромоты“ автор видит в отсутствии рабкоров с мест, нежелающих поддерживать свою газету.

Это—верно, но не совсем: если мы будем преподносить читателю такой непроработанный материал, какой видим, примерно, в этом номере, то едва ли грамотному человеку придет охота не только писать, но даже и читать ее.

Возьмем хоть эту самую статью, о „хромоте“.

Автор так определяет значение газеты: „она наш прямой справочник“.

Такое определение совершенно неправильное: газета есть газета, а справочник—справочник.

Заканчивая статью, автор обращается к местам:

„Каждое предприятие района вполне может давать к каждому выпуску по одному материалу“ (?).

Надо заинтересовать читателя газетой, тогда он и будет давать.

Несколько замечок из местной жизни—по содержанию интересны, но по исполнению—не совсем „доброкачественны“. Одна из этих замечок „Любимчик“ перепечатана в сокращенном и переработанном виде в № 2 „Сев. Поч“.

Некий автор „Жало“ излил свое творчество в целый дюжины сатирических четверостиший, озаглавленных: „Наши службисты“.

Приведем на выдержку два из них:

„Завконторою Скалин
Канцелярщиной увлекается,
Со стеной газетою
Совсем, ведь, не знается“.

„Заврассылкой Шилова
Клавдией называется,
За название курьера
Очень ругается“.

Мы сомневаемся, чтоб этим детским лепетом можно было больно „ужалить“ кого-либо. Уж лучше тогда не знаться с рифмой, а жалить прозой: дело-то верней будет.

„Искра Молодежи“ изд. ячейки РАКСМ Связи, Вятка, № 7.

Газета не датирована, но, как видно по содержанию, это—праздничный Октябрьский номер. Отсутствие даты—как будто и мелочь, но, по существу,—весьма важный недостаток.

Внешний вид газеты, как и № 6, достоин всякой похвалы. Заголовок, хотя и громоздкий, но очень красиво исполнен красками. В левом конце вполне натурально изображено здание Вятской пельтеконторы, в середине—трактовая зимняя дорога с парой почтовых лошадей, с

телеграфными столбами, снежными полями по сторонам, а с правой—занесенная снегами наша северная деревня.

И по художественности исполнения и по содержанию, „Искра Молодежи“, бесспорно,—одна из лучших стенгазет, издающихся по нашему округу. Видно, что газета издается с любовью и старанием.

Несколько статей посвящено Октябрьскому празднику: „7 лет“, „Октябрь у почтовиков“, „Октябрь у рабочих“, „В типографии“, „Два быта“, „Большевики в Вятке“, „Октябрь и производительность труда“. Некоторые из этих статей, хотя несколько и растянуты, но отличаются литературностью изложения и тщательностью обработки.

Отдел „Наша Жизнь“ имеет то достоинство, что живые заметки в нем отличаются краткостью, с хорошо исполненными карикатурами и виньетками.

В „Литературном Уголке“ обращает на себя внимание художественный набросок Белоглазова: „Октябрь“.

Следовало бы ввести в газету отдел о культработе и профработе, освещаая в этой области все достижения и недочеты. Немецает более рельефно выделять отделы, чтобы они (заголовки отделов) бросались в глаза, а то сейчас, по величине и яркости виньеток, отделы („Наша Жизнь“ и „Литературный Уголок“) мало отличаются от заголовков статей, входящих в эти отделы.

„Красный Связист“—ежемесячная стенгазета Никольского рабочкома Связи. Ноябрь 1924 г. № 1.

Теперь только поняли мы—почему никольцы прислали нам „Красного Связиста“, накрученного на громадное круглое полотно. Когда мы попробывали укрепить газету на стене, то очень толстый картон едва удалось пробить довольно солидными гвоздями.

Одну треть этого желтого картона занимает (полукругом) заголовок газеты: тут и летящая во весь дух по трактовой дороге, с телеграфными столбами, почтовая тройка, внизу—почтальон, с сумкою на плече и письмом в руках, а в верхнем углу—название газеты; над ним в пучках колосьев, перевитых розовой ленточкой, уместился земной шар, с серпом и молотом и сияющим солнцем, а рядом, сбоку,—почтовый штемпель: „Никольск, С-Двинск. 1:XI—24 г.“.

Такой громоздкий заголовок не рекомендуем: ведь газета—не плакат. Лучше-бы поместить в газете несколько небольших рисунков—карикатур и лозунгов, что выполнить было бы, судя по хорошему исполнению тройки и почтальона, возможно.

Этот заголовок нарисован прямо на картоне, а на остальные две трети картона наклеены столбцы текста.

Громадная передовая статья „Стенная газета“, написанная напыщенно и витиевато, на манер ученого языка, слишком уж громко определяет значение стенгазеты. Начинается

статья такими многозначительными словами: „Стенная газета—путь к развитию мысли. база для обогащения умственного багажа“...

Правда, в дальнейшем идет уже более верное определение значения стенгазеты, но для этого не нужно было нагромождать так много слов.

Еще более длинную статью видим дальше— „Семь лет“ (к седьмой годовщине Октября), перевалившей за полсотни длинных строк. Не уступает ей размерами и следующая статья „Передвижка в деревне“.

Несколько отдышаться после этого на сравнительно короткой статье „Происхождение марки и письма“. Но зато следующая статья „Подслушанный разговор по телефону“ имеет около 2700 букв. И автор—„Телефонная трубка“ наивно пишет, что эти 2700 букв (около 420 слов) были переданы именно по телефону в редакцию газеты „Безбожник“, как корреспонденция об одном религиозном члене союза Связи. Смеем уверить „Телефонную трубку“, что корреспонденции по телефону отнюдь не принимаются. Такой поразительной величины корреспонденция не была бы, конечно, помещена в „Безбожнике“ и в том случае, если бы она была изображена на бумаге.

Этой статьей и заканчивается картон, а дальнейшее содержание подклеено к нему, ибо картон окончился.

Тут идет заметка о значении ОДВФ, а дальше—статья без всякого заголовка (о комнате отдыха) такой же умопомрачительной длины, как и предыдущие длинные статьи. трактующая о необходимости более сносного

оборудования комнаты отдыха, о втягивании туда членов Союза, их семейств и т. д.

Оканчивается газета отделом „Кое о чем“, имея два антирелигиозных анекдота и три антирелигиозных частушки, а потому не зачем было придумывать для этого заголовок: „Кое о чем“, раз в нем заключается исключительно антирелигиозный материал, куда следовало отнести и длинную статью „Подслушанный разговор по телефону“, хотя, признаться, лучше было бы, если бы эту статью совсем не помещать, а если помещать, то сокративши ее раза в четыре, без всяких телефонных переговоров.

Итак, содержание газеты исчерпано. О местной жизни поведала нам лишь только „Телефонная трубка“, статья „Передвижка в деревне“ и автор статьи без заглавия.

Вполне естественно, мы не удовлетворены. Не может, разумеется, быть удовлетворен и читатель, ибо на прочтение чрезмерно длинных статей приходится затрачивать не мало времени.

В заключение приходится сказать, что при наименьшей затрате материала и времени, без толстых картонов и поленьев, без многих и многих лишних слов, нужно сделать так, чтобы, выражаясь словами автора передовицы „Красного Связиста“,—„стенгазета удовлетворяла запросам членов союза, заинтересовала бы их, чего возможно достигнуть путем помещения в газете материалов, являющихся отражением подлинной жизни и быта работников Связи“.

К.

ХРОНИКА.

Спец-одежда. ЦК Связи решено принять энергичные меры к скорейшей ликвидации задолженности НКПТ по спец-одежде за 1923-24 г. С этой целью предложено окривлениям в десятидневный срок дать окончательные сведения о задолженности. По нашему округу задолженность по спец-одежде выражается в 562 руб.

Одновременно ЦК обратился в НКПТ с предложением произвести расследование о поставке недоброкачественной спец-одежды, что наблюдалось по некоторым округам, — и виновных привлечь к судебной ответственности. Вместе с тем выясняется вопрос о возможности компенсировать работников, получивших совершенно негодную к носке спец-одежду.

Управленческий аппарат. Центром намечено расходы на содержание штата Северного Управления Округа, в том числе штат Бюро контроля перевозов и склада материалов, уложить в рамки 7% от фонда заработной платы на округ. При заключении тарифных

соглашений на второе полугодие, решено суммы на содержание управленческих аппаратов совершенно выделить из общего фонда зарплаты.

Распределение премий. ЦК отмечено, что премии от продажи гербовых знаков администрации выдаваться не должны. Право на получение означенных премий имеют лишь лица, непосредственно работающие участники операций по продаже гербовых знаков.

Пленум ЦК Связи. Очередной Пленум ЦК созывается на 25 марта. На повестку поставлены следующие вопросы: 1) отчет Президиума ЦК; 2) доклад о заграничной поездке; 3) доклад Агентства „Связь“ — о его деятельности, с докладом Ревизионной Комиссии; 4) доклад НКПТ о производственной нагрузке; 5) о безработице и отчислении на борьбу с ней; 6) тарифное соглашение с НКПТ на 3-й квартал; 7) устав Кассы Взаимопомощи; 8) доклад Дальн.-Вост. Округсвязи и 9) разное (об эмблеме Союза, новый членский билет).

Ревизионные комиссии. ЦК Связи разработано и разослано на места положение о ревизионных комиссиях профессиональных органов Союза Связи.

По положению — ревизии должны производиться периодически: рабочкомов, райрабочкомов и окротделений не реже одного раза в два месяца; окружных, областных и равных им организаций не меньше трех раз в год и ЦК Союза — не меньше двух раз в год.

При рассылке Положения о ревизионных комиссиях по рабочкомам Северного Округа, Окрправлением указано, что согласно „Положений о союзных органах“, опубликованных в газ. „Труд“ от 26 февраля 1925 г., № 47, ревизионные комиссии, для производства ревизии рабочкома и райрабочкома, должны собираться не реже одного раза в месяц, а для ревизии Областного (в наших условиях — Окружного) Правления должны собираться не реже одного раза в два месяца.

Разъяснения по колдоговору. На запрос Уокр и Окрправсвязи — из Центра получены следующие разъяснения по некоторым статьям Колдоговора:

1. Лица, нанятые для временных работ на срок не более одного месяца, за исключением указанных в примечании втором, ст. 2 Колдоговора, — подлежат увольнению, в случае временной утраты трудоспособности, по истечении 4-х месяцев со дня утраты трудоспособности, согласно п. „Д“ ст. 12-й договора.

2. За несвоевременную оплату маршрутов перемещенных, назначенных и командированных, за исключением видов командировок, указанных в ст. 19 договора, пени не установлены. За несвоевременную оплату маршрутов ведомство отвечает в порядке, установленном для случаев нарушения договора.

3. Так как труд работников с ненормированным рабочим днем, почасовым временем не учитывается, то вообще нет возможности определить ни среднее, ни максимальное число часов их фактической работы. Труд этих работников обуславливается кругом обязанностей, определенных для каждой должности, указанной в ст. 33 договора. При наличии твердого списка означенных должностей и установленного круга обязанностей, суждение о 24-х часовом рабочем дне практического значения не может иметь.

Что касается тех завпрредов, на которых возлагается сопровождение почт, доставка на дом корреспонденции и т. д., согласно п. „Б“ ст. 35 договора, их труд тоже не учитывается почасовым временем. Но, при возложении на завпрредов перечисленных дополнительных работ, необходимо сообразоваться с тем, чтобы общее количество обязанностей укладывалось в 184 рабочих часа за месяц, в среднем.

4. В отношении порядка компенсации за ненормированный рабочий день, необходимо руководствоваться циркуляром № 8/54, опубликованным в „Бюллетене НКПТ“ № 3 за 1925 год.

5. При увольнении работников, которым выдана спец-одежда в индивидуальное пользование, указанная одежда должна возвращаться предприятию, — если срок носки не истек, — или увольняемый работник должен возмещать предприятию часть стоимости спец-одежды за время, остающееся до истечения установленного срока носки.

6. Для сторожей-рассыльных установлен 8-ми-часовой рабочий день, независимо от того, пользуются они или не пользуются бесплатной квартирой при предприятии.

7. Для механиков, надсмотрщиков, работников телеграфной кассы и экспедиции устанавливается 8-ми-часовой рабочий день, так как коллективным договором для них не предусмотрено никакого исключения в смысле сокращения рабочего дня, установленного ст. 29-й договора.

8. Работа в праздничные дни, перечисленные в ст. 111 Код. Зак. о Труде, для телеграфистов с 4-х-сменным дежурством должна оплачиваться еще одной дополнительной ставкой, если она входит в установленную норму рабочего времени (152 часа) и двумя дополнительными ставками, если она производится сверх нормы, т. е. после отработки 152 часов.

9. Суточные для лиц с ненормированным рабочим днем, получающим компенсацию за неучтенный труд, в виде определенной процентной добавки к ставке, должны исчисляться из расчета ставки, сложенной с указанной добавкой. Квартира, предоставляемая бесплатно в качестве упомянутой компенсации, при исчислении суточных, должна приниматься в расчет в размере 20% ставки.

Курорты. В предстоящем летнем сезоне ведомством заарендованы места в санаториях: в Одессе, Кисловодске, Ессентуках и Н. Симеизе.

Болезни, подлежащие лечению на курортах: В Одессе — ревматизм всех видов, болезни центральной и периферической нервной системы, болезни костей и суставов, женские болезни; в Кисловодске — болезни сердца, нервные, малокровие и т. д.; в Ессентуках — болезни желудка и кишок; болезни обмена (ожирения, подагра и т. д.) и женские; в Новом Симеизе — туберкулез и предтуберкулез.

Проезд сотрудников Связи, до 8 разряда включительно, от места службы до санатории и обратно (по жел. дор., пароходам, и шоссейным дорогам) оплачивается, согласно колдоговора, Наркомпочтелем. Проезд сотрудников 9-го разряда и выше — ведомством не оплачивается и должен производиться за собственный счет самих больных.

Связь с заграничными союзами П. Т. Т. ЦКСвязи, по докладу т. Яглома о его поездке

за границу—в Германию, Швецию, Италию,—приветствует идею поездки представителей немецких союзов почтово-телеграфных работников в СССР. Подтверждено предложение, сделанное в связи с этой поездкой в письме, адресованном правлениям свободных почтово-телеграфных союзов с Германией, о том, чтобы поездка представителей всеобщего Германского почтового союза в СССР имела место в самом непродолжительном времени.

Президиумом ЦК послано также приглашение в Швецию о приезде в СССР представителей Шведского телеграфного и телефонного Союзов, а также и представителей от Шведского Союза государственных служащих, с целью ознакомления с работой нашего Союза и положением его членов.

Поручено орготделу ЦК собрать и выслать всем немедким и Шведским Союзам все материалы, характеризующие деятельность нашего Союза и регулярно высылать им журнал „Пролетарий Связи“.

Мелкозавочный кредит. По указанию ЦК Связи, основанному на постановлении Президиума ВЦСПС: 1) никаких вычетов на погашение задолженности по рабочему и мелкозавочному кредиту не допускается из сумм компенсационных выплат: а) выходного пособия, б) командировочных, в) под'емных, г) за неиспользованные отпуска, д) за работу в сверхурочное и праздничное время, е) пособия по социальному страхованию и ж) за невыданную проз и спец-одежду.

2) Вычеты из заработной платы по долгосрочному и мелкозавочному кредитованию производятся на условиях, устанавливаемых в договорах, заключаемых с кооперативными организациями, с предприятиями о предоставлении кредита, при чем обязательным условием является недопущение производства вычетов из заработка свыше 15% заработной платы по всем видам кредитования.

ЦК предложено настоящее правило довести до сведения широких союзных масс, администрации, кооперативов, а также предложено наблюдать за проведением его в жизнь.

Оплата сопровождающих почты. На запрос ЦК о порядке оплаты сопровождающих почты суточными или поверстными,—Окпрправлением, на основании заключений с мест, сообщено, что в пределах Северного Округа состояние трактовых дорог крайне неудовлетворительно, правильное пароходное сообщение по северным рекам, вследствие их мелководья, почти отсутствует, поэтому—наиболее целесообразным является ныне существующий порядок оплаты сопровождающих почты—суточными. Установление выдачи поверстных сопровождающим почты, в наших северных условиях, никакого ускорения в дело доставки почт не внесет, а равно не даст и особой выгоды, в смысле экономии средств ведомства.

Отчисления с членов союза. Окпрправлением 4-го марта предложено всем союзным организациям Округа провести в жизнь постановление ВЦСПС от 7 января 1925 года об отчислениях с членов союза (см. „Сев. Поч.“ № 1—25 г., стр. 40), за исключением отчисления на безработицу, размер которого временно, до особого указания, сохраняется в 10%.

В отношении отчисления в добровольные общества, с работников членов обществ, предложено договориться с ячейками соответствующих обществ о том, чтобы уплаченные работниками членские взносы в общества с 1-го января 1925 года зачислить в счет установленного годового взноса, а также договориться о порядке отчислений (вместо ежемесячных отчислений—установить уплату взносов за один или за два раза).

После указанного постановления, Окпрправлением получено от ЦК письмо, в котором рекомендуется неуклонно провести в жизнь директивное письмо ВЦСПС за № 19, помещенное в № 58 газ. „Труд“ от 11-го марта 1925 года.

Вопрос о понижении до полпроцента отчисления на безработицу будет разрешен на Пленуме ЦК, созываемом на 25 марта.

Указанные распоряжения—обязательны для всех низовых союзных ячеек Округа.

Снабжение литературой. Окпрправлением решено оставить прежний порядок снабжения литературой работников мелких предприятий через библиотеки при райрабочкомах; предложено последним принять меры к пополнению имеющихся библиотек литературой, необходимой для политического развития работников сельских предприятий, как об этом указано в нашем журнале № 2—25 г. (отд. Хроника, стр. 43). Необходимые средства на пополнение библиотек должны испрашиваться по соответствующим сметам на культработу.

Направление профработы. Окпрправлением предложено всем райрабочкомам изжить особенность в работе, установив самый тесный контакт с межсоюзным объединением в городе и в уезде, особенно в деле расширения и углубления культурной работы среди членов Союза и крестьянства. Обращено также внимание местных союзных организаций на необходимость втягивания низовых (неквалифицированных) работников в культурно-просветительную работу, а также на проявление массовой работы.

Перевыборы райрабочкомов. Окпрправлением предложено созвать общеуездные собрания для перевыборов райрабочкома в Омутной—25 марта и в Слободском—29 марта. Для обслуживания собраний по перевыборам и для обследования деятельности союзных организаций командирован представитель Окпрправления.

К новому квалификационному списку. Новый квалификационный список (см. „Сев.

Поч. № 2—25 г., стр. 43) проработан Уокром, совместно с Окрправсвязи, и в него внесены некоторые поправки, о чем и сообщено в Центр.

При разбивке работников по тарифным разрядам, согласно квалификационного списка, до внесения поправок, придется понизить на один разряд—867 работников, на 2 разряда—265 и на 3 разряда—16 работников. Если будут приняты во внимание сделанные поправки к списку, то снижение в разрядах выразится не в таком количестве, а несколько в меньшем, именно: на 1 разряд—792 работника, на 2 разряда—210 и на 3 разряда—5 работников.

Для того чтобы сохранить за работниками, пониженными в разрядах, прежнюю зарплату, потребуется установить следующие ставки для первого разряда: по 1-й группе—17 р. 95 к., вместо 14 р. 50 к.; по второй группе—16 р. 25 к., вместо 13 р. 10 к.; по третьей группе—14 р. 40 к., вместо 11 р. 60 к. и по четвертой группе—13 р. 25 к., вместо 10 р. 70 к. В зависимости от указанного, отпускаемый фонд на зарплату, в сумме 87000 р., необходимо увеличить по первому варианту

на 24.64%, или 21.435 р. 48 к., и по второму варианту, при тех же ставках,—на 26,33% или 22.911 руб.

Курсы для завпредов. 25 марта при Уокр Северного открываются трехмесячные курсы для подготовки сельских завпредов и работников передвижных почт, в составе 60 человек. Курсанты командировются Губкомами РКП. (б.), по разверстке Округа. В число командировемых входят большинство работников Связи и лишь незначительный процент командировается членов других союзов. 80% курсантов составят члены РКП. (б.) и РАКСМ. и 20%—беспартийные. Содержание и проезд—за счет ведомства. Курсанты обеспечиваются общежитием в „Доме Крестьянина“, получая там и содержание.

Занятия на курсах разделяются на четыре части: почтовая, техническая, телеграфная, политграмота,—практические и теоретические занятия.

По окончании курсов, слушатели будут направлены на практику в местные предприятия.

Почтовый ящик.

А. Б. Попову.—О жилищном кризисе в Онеге и, в частности, о помещении Онежской п.-т. конт. помещена заметка в № 1 „Сев. Поч.“.

Новая заметка „Какую воду пьют“, видимо, имеет целью снабдить Онежскую контору баком или самоваром.

Это дело можно двинуть и без печати: заметка, для соответствующих мероприятий, направляем в Уокр.

Тов. Палкину.—По затронутому Вами вопросу, разъясняем, что задержка была благодаря отсутствию средств в Уокре на оплату маршрутов. Не один только Ваш маршрут был задержан, но и многих работников. Это,

безусловно, ненормально. Окрправлением были приняты меры, через органы НКТ, к устранению этих ненормальностей. Сейчас дело идет налад: средства НКПТ скоро будут Уокру отпущены, а, следовательно, и маршруты будут все оплачены.

Вельск. Ерш.—На заметку Вашу „Чудеса без решета“ рекомендуем Вам ознакомиться с циркуляром № 7.11 от 6/1-25 г. („Бюллетень“ № 1, 1925 г.) и тогда Вы увидите, что утечки в указанном Вами случае не было.

Шенкурск. Ерш.—Корреспонденция „К поднятию производительности“, затрагивающая узкие местные вопросы, препровождается в Уокр—для производственного совещания.

Финансовый отчет

Северного Окргправсвязи за февраль м-ц 1925 г.

Наименование счетов.	Остаток к 1-му февралю.		Поступи- ло в феврале.		ВСЕГО.		Израсхо- довано в феврале.		Остаток к 1-му марта	
Счет членских взносов	310	06	2187	59	2497	65	1636	85	860	80
„ содерж. рабочкомов	486	49	1602	27	1602	27	1624	49	508	71
„ культфонда	251	77	1733	55	1985	32	823	62	1161	70
„ фонда безработ.	582	24	911	49	1493	73	1046	66	447	07
„ профжурналов	449	60	621	01	1070	61	503	19	567	42
„ переходящих сумм	108	59	—	96	109	55	81	40	28	15
„ ЦК Связи (перечисл.).	383	16	218	76	601	92	379	41	222	51
„ ГСПС (перечислено)	38	15	192	67	230	82	184	79	46	03
„ Под'отчетн. сумм	—	—	198	21	198	21	183	21	15	—
„ Окргправсвязи (капитал)	5324	46	6	30	5330	76	42	89	5287	87
Итого	7448	03	7672	81	15120	84	6506	51	8636	55

Примечание: 1) Из числа значащегося остатка имелось на 1-е марта:

в кассе	572—43
на тексчетах	3102—65
ценными бумагами	91—62
движимого имущества	1344—52
задолженность разных лиц и учреждений	3016—62
тоже,—по счету содерж. рабочкомов	508—71
Итого	8636—55

Примечание: 2) Из числа расходов за февраль по счету членских взносов падает:

а) на содержание штата	696—83
б) страховые взносы	71—62
в) административно-хозяйственные расходы	30—73
г) перечисления ЦК., ГСПС и К-Ф.	630—19
д) организационные расходы	207—48
Итого	1636—85

Примечание: 3) По счету содержания рабочкомов израсходовано:

а) на содержание штата	1526—54
б) организационные расходы	68—19
в) страховые взносы	23—19
г) канцелярские расходы	6—57
Итого	1624—49

Предокргправсвязи ГАНИЧЕВ.

Бухгалтер КРУПИН.